

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС & Гэри Брейвер ГЕРРИТСЕН

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ВЫБЕРИ МЕНЯ

Один из наиболее ярких и запоминающихся голосов
в жанре современного триллера.

The Providence Journal

Звезды мирового детектива

Тесс Герритсен

Выбери меня

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Герритсен Т.

Выбери меня / Т. Герритсен — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-20503-1

Ночью на улице в Бостоне находят тело студентки Тэрин Мур, выпавшей из окна. Это выглядит как самоубийство, однако некоторые деталистораживают следователей. Выясняется, что недавно Тэрин рассталась со своим бойфрендом Лиамом, но он отрицает всякую причастность и к ее смерти, и к ее беременности, о которой становится известно чуть позже, на вскрытии. В университете Тэрин писала работу о женщинах древности – Дидоне, Ариадне и других, – которые были преданы своими мужчинами. После разрыва с Лиамом она дала себе слово, что всегда будет бороться с обманом и предательством и что сама никогда не станет жертвой. Если ты не жертва, то ты хищник. Однако на охоте всегда есть риск встретить хищника покрупнее. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20503-1

© Герритсен Т., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Благодарности	6
После	7
1. Фрэнки	7
До	12
2. Тэрин	13
3. Джек	15
4. Джек	20
5. Тэрин	25
6. Тэрин	29
После	32
7. Фрэнки	32
До	39
8. Тэрин	39
9. Джек	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тесс Герритсен, Гэри Брейвер Выбери меня

Tess Gerritsen and Gary Braver
CHOOSE ME

Copyright © 2021 by Tess Gerritsen and Gary Braver All rights reserved

© И. Б. Русакова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Кэтрин и Джейкобу

Благодарности

Мы хотели бы поблагодарить Марка Дженнони из Северо-Восточного университета за то, что он подробно ознакомил нас с «Разделом XI»¹.

Также мы благодарны Линде Марроу за редакторскую экспертизу и за то, что она поощряла нас на ранних этапах написания романа.

Мы безмерно благодарны искушенной и находчивой Мег Рули, такой агент – мечта любого автора.

Отдельная благодарность нашему редактору Грейс Дойл, ее мудрые советы и позитивный настрой определенно пошли на пользу нашей книге. Работать с ней и с командой по маркетингу и паблицити издательства «Thomas and Mercer»: с Сарой Шоу, Линдси Брэгг и Бриттани Рассел – одно удовольствие.

¹ «Раздел IX» («Title IX») – Федеральный закон США, запрещающий дискриминацию по признаку пола в образовательных программах, финансируемых из федерального бюджета. (Здесь и далее примеч. перев.)

После

1. Фрэнки

Существуют десятки способов совершить самоубийство, и за тридцать два года работы в полиции Бостона детектив Фрэнсис «Фрэнки» Лумис, пожалуй, успела столкнуться с каждым.

Мать шестерых детей, не в состоянии справиться с непрекращающейся свистопляской в доме, заперлась в ванной, порезала вены на запястьях и наконец обрела вечный покой в ванне с теплой водой.

Обанкротившийся бизнесмен привязал свой ремень из страусиной кожи за пятьсот долларов к дверной ручке, сунул шею в петлю и просто сел на пол, позволив массе собственного тела безболезненно переправить его в небытие.

Немолодая актриса, осознав, что ее шансы получить новую роль весьма призрачны, надела розовый пеньюар, наглоталась дилаудида, улеглась на кровать лицом вверх и отошла в мир иной безмятежная, как Спящая Красавица.

Все эти люди предпочли уйти тихо и постарались оставить после себя минимум грязи, чтобы живым не пришлось слишком уж долго и нудно за ними прибираться.

С этой девушкой все иначе.

Тело уже упаковали в мешок и увезли, кровь со временем смывает дождь, но пока еще видно, как она, смешиваясь с водой, ручейками течет к водосточному желобу. При свете мигалок патрульных машин эти кровавые ручейки отливают черным, словно нефть.

5:45, час до рассвета. Сколько же она здесь пролежала, прежде чем водитель «Лифта»², который ехал домой, после того как в 3:15 высадил пассажира, заметил тело и понял, что это не просто какая-то груда тряпья на тротуаре?

Прищурившись, Фрэнки сквозь дождь смотрит на балкон пятого этажа.

Падения с такой высоты плохо заканчиваются. Выбитые зубы, вмятина вполлица – жуткие подробности, но та девушка, когда перелезала через перила, чтобы ласточкой прыгнуть вниз, вряд ли о таком думала.

Фрэнки – мать восемнадцатилетних двойняшек, кому, как не ей, знать, на какие рискованные поступки способны импульсивные молодые девицы. Если бы эта девушка подумала о том, что случается с телом, которое падает на асфальт с пятого этажа, и о том, во что после падения превратится ее красивое лицо с идеальными зубами...

Маклеллан, напарник Фрэнки, стоит рядом. Он укрывается от дождя зонтом с розовыми цветочками, который явно принадлежит его жене, и слегка поеживается.

– Что ж, думаю, мы здесь закончили, пора по домам. У меня ноги промокли.

– Ее телефон нашли? – спрашивает Фрэнки.

– Не-а.

– Тогда давай поднимемся и осмотрим квартиру.

– Опять?

– Ее телефон должен быть где-то здесь.

– Может, у нее вообще его не было.

– Брось, Мак. Нынче у всех молодых телефон, считай, продолжение руки.

– Может, она его потеряла. Или какой-нибудь засранец проходил тут после ее падения и решил его прихватить.

² «Лифт» («Lyft») – агрегатор такси.

Фрэнки смотрит вниз, на постепенно исчезающую лужу крови в том месте, где голова девушки разбилась об асфальт. В отличие от человеческого тела сотовый телефон в жестком футляре может уцелеть после падения с пятого этажа. Возможно, Мак прав. Возможно, какой-нибудь тип проходил мимо и, увидев тело, первым делом решил пожить чем-нибудь ценным, а вызвать «скорую» или полицию ему даже в голову не пришло. И это не удивило бы Фрэнки: за тридцать лет службы в полиции ее вера в людей регулярно подвергалась сомнению.

Она показывает на закрепленную на доме напротив камеру наблюдения:

- Если кто-то прихватил ее телефон, вон та камера это зафиксировала.
- Ага, может быть. – Мак чихает, ему явно хреново. – Утром заберу видео.
- Идем наверх, посмотрим, может, что-то упустили.

Мак стонет:

- Знаешь, что лично я упустил? Сон в теплой постели.

Но все равно он покорно тащится за Фрэнки за угол к подъезду дома.

Лифт, как и дом, старый и еле ползет на пятый этаж. Фрэнки и Мак молчат – они слишком устали, да и настроение у обоих паршивое. Из-за холодной погоды у Мака обострилась розацеа, и при резком свете ламп в лифте его нос и щеки стали неоновыми-красными. Фрэнки знает, что напарник переживает из-за своего состояния, поэтому смотрит прямо перед собой и считает этажи, пока дверь наконец-то не открывается.

Дверь в квартиру номер 510 охраняет патрульный, в такой ранний час это до отупения скучная задача. Он небрежно машет детективам рукой. Еще один коп, который предпочел бы оказаться не на службе, а дома в собственной кровати.

В квартире погибшей девушки Фрэнки еще раз, но уже более тщательно осматривает гостиную. Как мать, она давно насобачилась находить приметы плохого поведения своих дочек: мокрые ботинки в шкафу после вылазки из дома в дождливую ночь; характерный запах марихуаны от кашемирового свитера; мистический скачок миль на одометре «субару». Двойняшки возмущаются и говорят, что ей бы не в полиции работать, а тюремной надзирательницей. Пусть так, но зато они без потерь прошли через пубертатный период. Фрэнки верит, что, если сможет целыми и невредимыми проводить дочерей во взрослую жизнь, ее родительский долг будет исполнен. Но кого она хочет обмануть? На самом деле родительская работа никогда не кончается. Даже если она доживет до ста лет, это не значит, что она перестанет по ночам волноваться из-за дочерей, пусть им и будет уже по семьдесят с лишним.

Повторный осмотр квартиры не занимает много времени. Квартирка тесная, обставлена скудно, мебель, похоже, даже в секонд-хенд принимать отказались. Диван точно успел послужить нескольким владельцам, а деревянные половицы все в длинных глубоких царапинах, – видно, студенты-арендаторы не раз затаскивали в квартиру свою мебель, а потом, съезжая, вытаскивали. На столе – пустой бокал для вина и ноутбук, Фрэнки уже успела убедиться, что он запаролен. Рядом с ноутбуком распечатанный проект эссе для занятий в Северо-Восточном университете.

«В аду нет ярости: насилие и презираемая женщина».

Это работа девушки, которая жила в этой квартире и которая теперь на пути в морг, где ее уложат на выдвижную полку холодильника.

Фрэнки с Маком уже перетрясли сумку погибшей и проверили содержимое бумажника: студенческий билет, водительские права штата Мэн и восемнадцать долларов наличными. Теперь им известно следующее: ей двадцать два года; родилась в Хобарте, штат Мэн; рост – пять футов шесть дюймов, вес – сто двадцать два фунта, шатенка, глаза карие.

Фрэнки проходит в кухню, где они еще в первый раз обнаружили в микроволновке чуть теплую, но нераспечатанную порцию макарон с сыром из «Мари Каллендер»³. Фрэнки кажется

³ «Мари Каллендер» – сеть ресторанов.

странным, что девушка разогрела пищу, которую так и не съела. Что заставило ее забыть о еде, пойти на балкон и прыгнуть навстречу смерти? Плохие новости? Телефонный звонок? На столешнице лежит учебник из колледжа, на обложке – лицо женщины с горящими волосами и разинутым в гневном крике ртом.

«Медея, женщина из мифа».

Фрэнки понимает: этот миф должен быть ей знаком, но после окончания колледжа прошло столько лет, и теперь она помнит только, что там шла речь о мести. За форзацем в учебнике она находит письмо. Это уведомление о зачислении в магистратуру. Отправитель: кафедра английского языка и литературы Северо-Восточного университета.

Еще одна деталь, которая вызывает недоумение.

Фрэнки поворачивается к балкону. Теперь дверь закрыта, но, когда управляющий впустил их в квартиру, она была распахнута и ветер заносил струи дождя внутрь. На полу еще не высохли темные пятна. Фрэнки открывает дверь и выходит на балкон. От дождя ее укрывает балкон шестого этажа. В витрине напротив отражаются вспышки мигалок двух патрульных машин. Еще час, и рассветет, патрульные машины уедут, тротуар после дождя будет чистым, и ни один пешеход не догадается, что ступает по тому месту, где всего несколько часов назад рассталась с жизнью молодая женщина.

Мак тоже выходит на балкон.

– Похоже, она была красавицей, – вздыхает он. – Жалко девчонку.

– Если бы она была некрасивой, ее было бы жаль не меньше, Мак.

– Ага, да, конечно.

– И ее только что приняли в магистратуру. Уведомление в учебнике на кухонном столе.

– Черт, правда? Не понимаю, что происходит в головах у этих нынешних ребят?

Фрэнки задумчиво смотрит на серебристую завесу дождя.

– Я и сама постоянно задаюсь этим вопросом.

– Ну у твоих-то девочек с головой все в порядке. Они бы никогда ничего такого с собой не сделали.

Тут Фрэнки согласна с напарником. Самоубийство – форма капитуляции, а ее двойняшки – настоящие бойцы, бунтарки с несгибаемой волей.

Она смотрит вниз на тротуар:

– Да, это был долгий полет.

– Смотреть не буду, верю на слово, – говорит Мак.

– Она, должно быть, была в отчаянии.

– Значит, ты готова признать, что это было самоубийство?

Фрэнки продолжает смотреть на тротуар внизу и пытается понять, в чем источник ее беспокойства. Почему внутренний голос нашептывает ей: «Ты что-то упустила. Рано ставить точку».

– Ее телефон. Где он?

Кто-то стучит в дверь. Фрэнки с напарником одновременно оборачиваются и видят заглядывающего в квартиру патрульного.

– Детектив Лумис? У нас тут соседка объявилась. Хотите с ней поговорить?

В коридоре стоит девушка азиатского происхождения. Она говорит, что живет в соседней квартире. Судя по халату и шлепанцам, она только недавно проснулась. Девушка постоянно поглядывает на дверь в квартиру умершей соседки, как будто опасается, что там скрывается нечто ужасное.

Фрэнки достает свой блокнот:

– Итак, ваше имя?

– Хелен Нг. По буквам: Эн-гэ. Я тоже учусь в Северо-Восточном университете.

– Вы хорошо знали свою соседку?

– Нет, только здоровались при встрече. Я сюда въехала всего пять месяцев назад. – Она запинается и снова испуганно поглядывает на дверь соседской квартиры. – Господи, поверить не могу...

– В то, что она покончила с собой?

– Что это случилось через стенку от меня. Когда мои родители узнают, они с ума сойдут и заставят меня вернуться домой.

– И где они живут?

– В Куинси, это отсюда прямо на юг. Они хотели, чтобы я сэкономила деньги на дорогу, но такого опыта они для меня точно не хотели. Одно дело, когда живешь в своей квартире...

Фрэнки не дает ей договорить:

– Расскажите нам о вашей соседке.

Хелен на секунду задумывается и пожимает плечами:

– Я знаю только, что она учится... училась на последнем курсе. Приехала из небольшого городка в Мэне. Она была довольно тихой, ничем особенным не выделялась.

– А вчера вечером вы никакого подозрительного шума не слышали?

– Нет. Но я простудилась и перед сном приняла несколько таблеток бенадрила. Проснулась только, когда услышала полицейскую рацию в коридоре. – Хелен снова поглядывает на соседскую дверь. – Она оставила какую-нибудь записку? Объяснила, почему это сделала?

– А вы догадываетесь, почему она это сделала?

– Ну, несколько недель назад она выглядела очень подавленной. Она тогда рассталась со своим парнем. Но я думала, что она уже оправилась.

– Кто ее парень?

– Его зовут Лиам. Я видела его здесь несколько раз еще до того, как они расстались.

– А его фамилия?

– Не помню. Но я знаю, что они из одного города и он тоже учится в Северо-Восточном, – говорит Хелен и через небольшую паузу спрашивает: – Вы позвоните ее матери? Она уже знает?

Фрэнки и Мак переглядываются. Никто из них не хочет звонить матери погибшей девушки, но Фрэнки отлично знает, с помощью какого нехитрого приема Мак, как всегда, переложит эту задачу на нее. Он скажет: «Ты женщина, у тебя такое лучше получается». У Мака нет детей, он и представить не может, что творится на душе у Фрэнки, когда она думает о матери, которой предстоит услышать подобную новость. Он даже не подозревает, как тяжело даются его напарнице такие звонки.

– Значит, бывшего парня зовут Лиам, он из маленького городка в штате Мэн и учится в Северо-Восточном университете? – уточняет Мак, делая пометки в блокноте. – Все верно?

– Да. Он старшекурсник.

– Ну, вычислить его будет несложно. – Мак закрывает блокнот и смотрит на Фрэнки. – Информации вполне достаточно.

И Фрэнки читает в его взгляде: «Девчонку бросил парень. У нее была депрессия. Какие еще могут быть вопросы?»

После осмотра места происшествия следовало бы поехать домой, принять душ, позавтракать, поздороваться с двойняшками, если они уже встали, но Фрэнки по пути домой на Оллстон-стрит не может удержаться и делает крик. Крик небольшой – всего несколько кварталов, и Фрэнки в большинстве случаев справлялась с желанием снова увидеть тот дом. Но в это утро ее «субару» словно по собственной воле отклоняется от маршрута, и Фрэнки в который раз обнаруживает, что припарковалась на Паккардс-Корнер и смотрит на четырехэтажный кирпичный дом, в котором до сих пор живет та женщина.

Фрэнки знает, как зовут ту женщину, где она работает и сколько ей выписано талонов за неправильную парковку. Все эти факты больше не должны ее волновать, однако волнуют.

Фрэнки ни с кем этим не делилась, ни с коллегами в отделе убийств, ни даже с дочерьми. Нет, эту информацию она придерживает для себя, потому что даже сам факт, что она знает о существовании этой женщины, чертовски для нее унизителен.

И вот Фрэнки сидит одна в своей машине под морозящим апрельским дождем и наблюдает за многоквартирным домом, за которым у нее нет никаких оснований наблюдать, разве что она склонна к самоистязанию. Все решили, что она оправилась после трагедии и живет дальше своей жизнью. Ее дочери с отличием закончили среднюю школу, сейчас у них промежуточный год, и они вполне счастливы. Коллеги из Департамента полиции Бостона давно перестали отводить глаза и больше не смотрят на нее с сочувствием. Да, ее жизнь вернулась в нормальное русло, ну или к подобию нормы.

И вот она здесь, снова припарковалась на Паккардс-Корнер.

Из здания вышла женщина. Фрэнки встрепенулась.

Женщина переходит через улицу и проходит мимо машины Фрэнки. Она явно не чувствует, что за ней наблюдают. А вот Фрэнки очень даже хорошо ощущает ее близость. Блондинка в черных легинсах и белом пуховике, которые неплохо подчеркивают ее тонкую талию и стройные ноги. У Фрэнки тоже когда-то была такая фигура, но это было до появления двойняшек и до наступления среднего возраста, а потом бесконечные часы за рабочим столом и постоянные перекусы на бегу сделали свое дело – бедра стали шире, ляжки раздулись.

Фрэнки наблюдает в зеркало заднего вида, как женщина идет к остановке. Она думает: не продолжить ли наблюдение пешком? Или подойти и представиться, а потом предложить поговорить, как цивилизованные люди. Можно даже предложить зайти в кафе чуть дальше по улице. Но Фрэнки не может заставить себя выйти из машины. За долгую карьеру копа она выбивала ногой двери, выслеживала убийц, дважды смотрела в ствол пистолета, но при всем этом не может заставить себя встретиться лицом к лицу с мисс Лоррейн Коновер, возраст – сорок шесть лет, продавец-консультант в «Мейси», без криминального прошлого.

Женщина сворачивает за угол и исчезает из виду.

Фрэнки откидывается на сиденье. Она не готова завести машину, не готова встретиться с другими кошмарами, которые припас для нее наступающий день.

Одной мертвой девушки более чем достаточно.

До

Тремя месяцами ранее

2. Тэрин

Никто не знал, что она сюда пришла. И никто не узнает.

В полдесятого утра никого из жильцов второго этажа не должно быть дома. Абернети из квартиры 2А, которые всегда раздражали Тэрин своей неизменной приветливостью, в это время уже на работе: он в бостонском Управлении аудита, она в Отделе развития пригородов. Два аспиранта инженерного колледжа из квартиры 2В – где-то в кампусе, сидят, ссутулившись перед своими ноутбуками. Блондинки из 2С успели опраться от обычного после уик-энда похмелья и плетутся на занятия в Северо-Восточный университет.

В квартире 2D тоже никого не должно быть. В это время Лиам всегда уже на пути в класс экономики. После экономики у него Герман Третий, потом – ланч, скорее всего, «субмарина» сэндвич с добавкой халапеньо, в студенческом клубе, а потом – политология. Тэрин знала расписание Лиама так же хорошо, как каждый дюйм его квартиры.

Она повернула ключ в замке, тихо открыла дверь и вошла в квартиру 2D. У Лиама было просторнее и гораздо уютнее, чем в жилище Тэрин, где всегда пахло плесенью и старыми водопроводными трубами. А здесь – Тэрин сделала глубокий вдох – все пахло Лиамом. Еще не до конца рассеялся пар, после того как он принял душ, чувствовался аромат лосьона «Соваж», и пахло тостами с отрубями, которые он всегда ел на завтрак. Тэрин тосковала по этим запахам.

Куда бы она ни посмотрела, все навевало счастливые воспоминания. Диван. На нем они по вечерам в субботу смотрели дешевые ужастики. Она сидела, положив голову ему на плечо, а он обнимал ее одной рукой. Книжная полка с их фотографией на самом видном месте, с той, где они стоят на Болд-Рок-Маунтин, ветер развеивает волосы Лиама, и против солнца они напоминают нимб, как у святых. Лиам и Тэрин навсегда. Где теперь эта фотография? Куда он ее убрал?

Тэрин прошла в кухню и вспомнила, как они утром по воскресеньям ели блинчики и пили коктейль из дешевого игристого вина «Мимосас», потому что настоящее шампанское слишком дорого. На столе лежала стопка вчерашней почты, все конверты уже вскрыты. Тэрин прочитала письмо от матери с прикрепленной вырезкой из городской газеты Хобарта. Доктор Говард Рейли, отец Лиама, награжден дипломом горожанина года. Вот так да! Просмотрела остальную почту. Счет за аренду квартиры, конверт с купонами на покупку пиццы, заявка на кредитную карточку. А в самом низу – толстый буклет юридической школы Стэнфордского университета. Почему он заинтересовался Стэнфордом? Тэрин знала, что Лиам подал заявку на поступление в юридическую школу, но он никогда не говорил, что хочет поехать в Калифорнию. Они давно решили, что после выпускного останутся в Бостоне. Таков был их договор. Такую жизнь они планировали.

Это был просто буклет. Он мог ничего и не значить.

Тэрин открыла холодильник и оглядела своих старых знакомых: «Шрирачу», «Хеллмана» и «Юху». Но в их ряды затесался чужак – «Чобани», йогурт пониженной жирности. За все годы знакомства с Лиамом Тэрин никогда не видела, чтобы он ел йогурт. Он вообще терпеть не мог йогурты. Этот чужеродный объект заставил Тэрин нервничать. В какую-то секунду она даже подумала, что могла зайти не в ту квартиру и открыла чужой холодильник или оказалась в параллельном мире, где живет импостер Лиама и этот импостер ест йогурт и собирается переехать в Калифорнию.

Расстроенная Тэрин прошла в спальню, где по ночам в уик-энд их одежда лежала на полу, как два слившиеся в объятиях любовника, его рубашка поверх ее сорочки. И здесь тоже что-то было не так. Кровать Лиама была застлана, на простынях и покрывале ни одной морщинки, углы заправлены, как в больнице. С каких пор он начал застилать постель? Лиам никогда этого не делал, за него это всегда делала Тэрин.

Она открыла платяной шкаф и оглядела развешанные на плечиках сорочки. Некоторые еще были в пакетах после прачечной. Взяла одну сорочку за рукав и, прижав к лицу, вспомнила, как порой клала голову ему на плечо. Но эти свежестираные хрустящие хлопчатобумажные сорочки пахли мылом и крахмалом. Обезличенные запахи.

Тэрин закрыла шкаф и прошла в ванную комнату.

В стаканчике, где раньше стояла и ее зубная щетка, теперь стояла одинокая щетка Лиама. Тэрин подняла крышку корзины для грязного белья и, немного порывшись, вытащила футболку. Уткнулась в нее лицом. От запаха закружилась голова. У Лиама была куча футболок, и Тэрин решила, что пропажу одной он точно не заметит. Затолкала добычу в рюкзак. Эта футболка поможет ей продержаться, пока они с Лиамом разыгрывают фарс «нам надо отдохнуть друг от друга». Тэрин была уверена, что их расставание не затянется, они так долго были вместе, что, казалось, превратились в единый организм. Их плоть соединилась, их жизни были связаны навсегда. Просто Лиам должен понять, как ему без нее плохо.

Тэрин вышла из квартиры в коридор и тихо закрыла за собой дверь. Если не считать кражи футболки, все в жилье Лиама осталось в точности так же, как было до ее прихода. Он не должен узнать, что она к нему приходила. И никогда не узнает.

На улице холодный ветер задувал между домами. Тэрин натянула на голову капюшон куртки и потуже замотала шарф. Ей очень хотелось подольше побыть в квартире Лиама, но надо было торопиться на занятия в университет. И все-таки она задержалась на тротуаре, чтобы перед уходом посмотреть на его окна.

Вот тогда она и увидела, что кто-то наблюдает за ней в окно. Это была одна из блондинок из квартиры 2С. Почему она дома? Она же должна быть в кампусе. Они смотрели друг на друга, и Тэрин гадала: могла ли блондинка услышать ее шаги по квартире Лиама? И расскажет ли ему, что она приходила?

Тэрин пошла прочь. У нее участился пульс. Может, блондинка ее и не слышала. А если и слышала, какой ей смысл рассказывать об этом Лиаму? Раньше Тэрин каждый уик-энд у него проводила, ее там сто раз видели, если не больше.

Незачем паниковать. Не было причин думать, что Лиам обо всем узнает.

Она ускорила шаг. Если поспешить, еще можно вовремя успеть на занятия.

3. Джек

Ее звали Тэрин Мур, и она вошла в жизнь профессора Джека Дориана в первый день семестра, когда прокралась в кабинет для семинарских занятий. Тогда на ней был серебристый бомбер и блестящие черные лосины, из-за чего ее ноги казались лакированными. Занятия шли уже десять минут. Кабинет был маленький. Тэрин пробормотала какие-то извинения и протиснулась мимо студентов к единственному свободному стулу за столом для совещаний. Когда она садилась, Джек невольно обратил внимание, какая у нее стройная и гибкая, будто у танцовщицы, фигура, а растрепанные ветром темные волосы имеют красноватый отлив.

Тэрин устроилась рядом со щекастым полноватым парнем в бейсболке «Ред сокс», поставила на стол ноутбук и посмотрела Джеку в глаза. Взгляд у нее был такой ясный и прямой, что он даже на секунду забыл, о чем только что говорил.

Студентов было всего пятнадцать: ровно столько могли с комфортом разместиться в тесном классе для семинарских занятий Центра английского языка, да и Джек имел возможность быстро запомнить, как кого зовут.

– А вы? – спросил он, глянув на список студентов, записавшихся на его семинар «Несчастливые влюбленные».

Семинар был посвящен теме обреченной любви в литературе от Античности до наших дней, и название, которое придумал для него Джек, разумеется, было с его стороны своеобразным рекламным ходом. Как вызвать у пресытившихся старшекурсников желание читать «Энеиду», «Тристана и Изольду», «Медею» и «Ромео и Джульетту»? Лучший способ – вынести на условную суперобложку семинара любовь, похоть и абсолютную трагедию. Такое всегда вызывает интерес, и с такой подачей у студентов непременно возникнут вопросы. Какие обстоятельства привели влюбленных к смерти? Какие религиозные, политические и социальные силы обрекли их любовь на гибель?

– Тэрин Мур, – ответила она.

– Добро пожаловать, Тэрин, – сказал Джек и поставил галочку рядом с ее именем в списке.

Он быстро нашел в записях место, на котором остановился, и продолжил лекцию, но молодая женщина в конце стола постоянно отвлекала его внимание. Возможно, именно поэтому он избегал смотреть в ее сторону. Уже тогда, в тот самый первый день инстинкт подсказывал ему: следует соблюдать осторожность.

Спустя четыре недели после начала семестра стало ясно, что инстинкты его не обманули.

Группа обсуждала переписку Абеяра и Элоизы. Они жили в двенадцатом веке. Абеяра – знаменитый философ и богослов Нотр-Дама, Элоиза – его юная и одаренная ученица. Несмотря на социальные и религиозные запреты, они стали любовниками. Забеременев от Абеяра, Элоиза со скандалом ушла в монастырь. Ее дядя подверг Абеяра жестокому наказанию: он нанял людей, чтобы те оскопили Абеяра, и позднее тот тоже ушел в монастырь. Любовники были разлучены, но их отношения продолжались в письмах. Эти письма стали свидетельством любви Элоизы и Абеяра, которые до конца жизни не имели права прикоснуться друг к другу.

– В их письмах вы найдете массу интересных подробностей о жизни в монастырях Средневековья, – сказал Джек. – Но именно история любви делает их переписку столь проникновенной и неподвластной времени. Трагедия определяет ценность их отношений, а перенесенные во имя любви страдания поднимают до уровня героев. И вот о чем я хотел бы вас спросить: равны ли принесенные влюбленными жертвы? Кто из них имеет большее право называться героем?

Первой подняла руку серьезная, как и всегда, Бет.

– Принимая во внимание нормы, которые распространялись на женщин того времени, лично мне Элоиза представляется более яркой личностью. – Бет сверилась со своим текстом и продолжила: – Из монастыря она пишет, что, в то время как другие обручаются с Господом, она стала рабой одного только Абеяра. Это была самостоятельно мыслящая женщина, которая бросила вызов современникам. Я считаю, что из них двоих она – настоящая героиня.

Джек кивнул:

– И она до конца своих дней не предала свою любовь.

– Она пишет, что готова пойти за Абеяром в ад. Это истинная преданность.

– А я вот свою подружку даже на матч «Брюинса»⁴ затащить не могу, – подал голос Джейсон.

Группа прыснула со смеху.

Джек был доволен: все студенты вовлеклись в дискуссию, не то что в те приводящие в уныние дни, когда он трепал языком, а студенты просто смотрели на него пустыми, как у карпов в пруду, глазами.

– А еще мне нравится, как Элоиза пишет о своих сексуальных фантазиях во время мессы, – продолжил Джейсон. – Народ, я легко представлю себя на ее месте! Божественная литания в греческих церквях тянулась целых два часа. За это время я успею поиметь дюжину девиц. Правда, только в своей голове.

И снова вся группа рассмеялась. И в этот момент Тэрин встретила с Джеком взглядом. До этого она делала заметки в своем ноутбуке, а теперь подняла руку.

– Да, Тэрин? – сказал Джек.

– У меня кое-какие проблемы с этой историей. Да и с другими, которые вы предложили к обсуждению на семинаре.

– И что же?

– На мой взгляд, в них прослеживается одна тема. Мужчины во всех предложенных вами историях так или иначе предают женщин, которых они якобы любят. Элоиза всем жертвует ради любви, но при этом большинство ученых именно Абеяра превозносят как истинного героя.

Джек чувствовал в словах Тэрин неподдельную страсть и поэтому молча кивнул, чтобы она продолжала.

– Абеяра даже выдает себя за такого романтического героя, потому что он, видите ли, пострадал физически. Но я таким его не вижу. Да, то, что его оскостили, – ужасно. Но пока Элоиза поддерживала огонь их любви, он пришел к тому, что обесценил свое к ней влечение. Он по собственной воле предпочел благочестие любви, а она так никогда от нее и не оторвалась.

– Отличная мысль, – сказал Джек, и он действительно так думал.

Тэрин была искренна, она прочитала заданный материал и погрузилась в него куда глубже, чем остальные студенты, большинство из которых вовсе не стремились расширить область своих знаний. На самом деле подход к обучению у такой студентки, как Тэрин, – мечта любого преподавателя.

– Вы правы, – сказал Джек. – Элоиза не предала свою страсть, в то время как Абеяра предпочел пойти по стопам святош и отрекся от плотских удовольствий.

– И таким образом представил себя благородным персонажем, – продолжила Тэрин. – Но подумайте о том, от чего оторвалась Элоиза. Свобода, юность. Ее ребенок. Можете представить себе, что она чувствовала, когда писала эти письма? «Я была твоей шлюхой». Вот что она ему писала. Она как будто сознавала, что Абеяра отвергает ее, отвергает и оставляет гнить в монастыре.

⁴ «Брюинс» – хоккейный клуб.

– Ой, да брось! – фыркнула Джессика. – Элоиза застряла в том монастыре просто потому, что на нее давили религия и общество. Абеляр ее к этому не принуждал.

Кейтлин, соседка Джессики по комнате, сидевшая рядом с ней, согласно кивнула. Джек не понимал, почему эта парочка так враждебно настроена по отношению к Тэрин. Стоило ей поделиться какой-нибудь своей идеей, они сразу переглядывались и закатывали глаза, как будто она сморозила очередную глупость. Что это? Зависть? Или что-то еще?

– Неправда. – Тэрин быстро нашла в книге нужную страницу. – Элоиза пишет: «Я ушла в монастырь по твоей воле, никто другой не смог бы меня к этому принудить». Она сделала это ради него. Она все делала ради него. Это очевидно для любого, кто ознакомился с их перепиской.

– Я читала их письма! – Джессика покраснела.

– А разве я сказала, что нет?

– Но ты на это намекала.

– Послушай, письма очень плотно написаны, возможно, ты просто упустила какие-то ключевые моменты.

– Сука, – шепнула Джессика, повернувшись к Кейтлин.

– Джессика? – обратился к ней Джек. – Я правильно тебя расслышал?

– Я ничего не говорила, – с невинной улыбочкой Джессика посмотрела ему в глаза.

Однако Джек заметил, что остальным студентам стало неловко, а значит, они тоже это услышали.

– Этот класс не место для личных нападок. Это всем ясно?

Джессика молча смотрела прямо перед собой.

– Джессика?

– Как скажете.

Не стоило фиксироваться на этом незначительном инциденте. Джек решил двигаться дальше и обратился к Тэрин:

– Вы сказали, что Абеляр предал Элоизу. Не хотите развить свою мысль?

– Элоиза ради него от всего отказалась. Она нуждалась в его поддержке, Абеляр должен был укрепить ее веру в то, что он ее любит. А он что сделал? Отправил в объятия к распятию. Я считаю, что он, когда заявил, что пострадал больше, чем Элоиза, повел себя как бессердечный моральный урод.

– Ну, вообще-то, его оскостили, – напомнил Джек.

Смех студентов свидетельствовал о том, что его попытка снять напряжение удалась, но Джек заметил, что Джессика даже не улыбнулась. Они с Кейтлин склонились друг к другу и стали перешептываться.

Надо было услышать новый голос, и Джек посмотрел на Коди, который всегда сидел рядом с Тэрин. Это был застенчивый парень. Складывалось впечатление, что бейсболка «Ред сокс» – его убежище, иногда он так низко ее натягивал, что даже глаз было не видно.

– А вы что думаете, Коди? – спросил Джек.

– Я... хм... я думаю, Тэрин права.

– Он всегда так думает, – сказала Джессика и, повернувшись к Кейтлин, шепнула: – Лузер.

Джек решил пропустить это мимо ушей, потому что вроде, кроме него, никто этого и не услышал.

– Я просто согласен, что Абеляр был моральным уродом, – сказал Коди. – Он был учителем Элоизы и при этом в два раза старше ее, он воспользовался своим положением, а значит, был уродом в квадрате.

– И ту же модель отношений мы можем проследить в более поздних литературных произведениях. Вспомните «Людское клеймо» Филипа Рота и «Поправки» Джонатана Франзена.

Уверен, вы читали «Исчезнувшую»⁵. Все эти истории о том, как взрослый учитель может влюбиться в ученика или ученицу.

– Прямо как в «Слишком горячая для профессора», – вставил Джейсон.

– Что? – не понял Джек.

– О, это просто такой дешевый любовный роман.

– Даже странно, как я его пропустил, – рассмеялся Джек.

– Так, значит, это тема вашего семинара, профессор? – спросила Джессика. – Как и почему преподаватели западают на горячих студентов?

Джек внимательно посмотрел на Джессику. В этот момент он почувствовал, что зашел на опасную территорию.

– Я лишь подчеркнул, что эта тема из раза в раз повторяется в литературных произведениях. Эти истории рассказывают о том, как и почему табуированные обществом отношения все же случаются. Они рассказывают нам, что любой самый добродетельный и морально устойчивый человек может погрязнуть в пагубных сексуальных отношениях.

У Джессики заблестели глаза, она улыбнулась и уточнила:

– Любой, профессор?

– Мы говорим о литературных произведениях, Джессика.

– Да ладно, что плохого в том, что преподаватель влюбился в студентку, которая совсем не против поиметь с ним интрижку? – спросил Джейсон. – Не припомню такого в десяти заповедях. Ибо сказано – не трахайся с горячими студентами.

– Но есть заповедь «Не прелюбодействуй», – заметила Бет.

– Абеляр не был женат, – сказала Тэрин. – В любом случае не понимаю, почему мы заикнулись на этом вопросе. По-моему, мы ушли от темы.

– Согласен. – Джек посмотрел на часы и с облегчением понял, что занятие подходит к концу. – Ладно, у меня для вас небольшое объявление, и думаю, оно вас порадует. Через две недели в Музее изящных искусств открывается выставка иллюстраций, посвященных роману Абеяра и Элоизы. Руководство музея согласилось устроить для нас отдельную экскурсию. Так что вместо занятий в этом классе у нас будет вылазка в МИИ. Не забудьте сделать пометку в календаре, а я, естественно, еще напомню вам по электронной почте. На следующей неделе, как обычно, встречаемся здесь. И будьте готовы обсудить «Энеиду»!

Пока студенты выходили из класса, Джек складывал свои записи в портфель и не замечал, что Тэрин стоит рядом, пока она с ним не заговорила.

– Как здорово, что вы организовали вылазку в музей, профессор Дориан. Жду не дождусь, когда наступит этот день. Я видела несколько картин на сайте музея, похоже, это прекрасная выставка. Спасибо, что вы такое для нас устроили.

– Не за что. Кстати, ваш реферат по «Медее» – отличная работа. Лучшая из всех, что я прочел за семестр. Признаюсь, на мой взгляд, такой уровень сложности я ожидаю только от выпускников.

Тэрин вся засветилась.

– Правда? Вы действительно так думаете?

– Да. Это очень глубокая и мастерски написанная работа.

– Спасибо. – Тэрин непроизвольно схватила Джека за руку, как близкого друга. – Вы – лучший.

Он кивнул и слегка дернул рукой, после чего она сразу его отпустила.

Тут Джек заметил, что Джессика стоит у дверей и внимательно за ними наблюдает. И взгляд ее ему совсем не понравился. Как не понравился ее жест с явным сексуальным подтек-

⁵ «Исчезнувшая» – детективный роман американской писательницы Гиллиан Флинн.

стом: когда Тэрин выходила из класса, она показала Кейтлин средний палец. Кейтлин хихикнула, и они тоже вышли.

Реферат Джессики был ниже среднего, и Джек поймал себя на том, что с удовольствием ставит на ее работе «С» с минусом.

С громким щелчком он закрыл портфель. Ему не хотелось это признавать, но вульгарный жест Джессики задел его гораздо сильнее, чем следовало бы.

И только когда класс опустел, Джек надел куртку и один вышел из университетского корпуса на холодный январский ветер.

4. Джек

Мэгги, как всегда, опаздывала. Она появилась в ресторане после шести тридцати, выглядела запыхавшейся, но улыбалась во весь рот. Подошла к их столику, обняла отца и послала воздушный поцелуй Джеку.

– И как поживают одаренные богом медики? – вместо приветствия спросил у дочери Чарли.

Мэгги сняла куртку, повесила ее на спинку стула и села, как будто воздушный шар сдулся.

– Они измотаны. Кажется, за весь день ни разу не присела. Все этот чертов вирус. Все хотят, чтобы я выписала им антибиотики, чтобы отговорить, уйма времени уходит. – Она про-сигналила официантке, чтобы та принесла бокал шардоне, и взяла Чарли за руку. – А как поживает мой именинник?

– Теперь, когда ты здесь, настроение наконец стало праздничным.

– Мы прождали сорок минут, – заметил Джек, но при этом очень постарался, чтобы Мэгги не услышала в его голосе обиженных ноток.

Он подобрал Чарли на пути в ресторан и, пока они сидели и болтали ни о чем, постоянно поглядывал на часы. К этому моменту он приканчивал уже второй бокал вина.

– Джек, у Мэгги самое серьезное оправдание, какое только есть в этом мире, – сказал Чарли. – Она нужна больным людям, подумай о них.

– Спасибо, папа. – Мэгги многозначительно посмотрела на Джека.

– И между прочим, парень, тебе очень повезло, что у тебя такая жена, – добавил Чарли. – Если когда-нибудь прихватит – всегда под рукой любящий доктор.

– Ага, я тот еще везунчик. – Джек, чтобы как-то замаскировать свое раздражение, пригубил пино. – Сегодня мы в кои-то веки поужинаем вместе.

– Кстати, об ужине. – Чарли потер ладони. – Предлагаю начать обжираловку. Я целый год ждал этого вечера. Если есть бог на свете, проблем с холестерином у него нет.

Каждый год они втроем отмечали день рождения Чарли, устраивая, как он это называл, «обжираловку», то есть выбирали в меню блюда, которые ему строго-настрого запрещали врачи. «Дино стир-хаус» – старомодный ресторан, в то время как большинство заведений в городе обратились к высокой кухне, здесь все еще подавали стейки, бургеры и убийственный для сердца гарнир «Порки стикс» – гора картофеля фри под толстым слоем сырного соуса, присыпанная беконом и политая сметаной.

– С днем рождения, пап. – Мэгги чокнулась бокалом вина с пивом Чарли. – Посмотри, что я тут тебе принесла.

Она достала из портфеля коробку в блестящей оберточной бумаге и с большим бантом из золотой ленты.

– О, дорогая, тебе совсем не обязательно что-то мне дарить, – сказал Чарли, но глаза у него заблестели, и он принялся разворачивать подарок, причем старался сделать это так, чтобы не порвать обертку, и пытался перерезать липкую ленту ножом для стейка.

– Чарли, это всего лишь оберточная бумага, – сказал Джек. – Рви, не жалея.

Чарли улыбнулся, одним движением сорвал обертку и весь засиял, увидев коробку с отделениями, по которым были разложены жареные вручную орехи из «Фастачи»⁶. Он обожал орехи.

Чарли наклонился и обнял Мэгги:

– Ты лучшая, малышка. И мой доктор говорит, что орехи очень полезны для сердца. – Он подмигнул Джеку: – Но тебе нельзя, они все мои, и только мои!

⁶ «Фастачи» – магазин сувениров и деликатесов.

Звякнул телефон Мэгги – пришло СМС. Джек вздохнул. Его жена была врачом-терапевтом в больнице Маунт-Оберн в Кембридже, и еще ни разу их совместный прием пищи не проходил без того, чтобы треклятый телефон Мэгги не затренькал, не зазвонил или не зажужжал. Это притом, что она крайне редко добиралась домой, чтобы поесть.

Подошла принять заказ официантка, а Мэгги, даже заказывая чизбургер «Джамбо» с говяжьим филе, продолжала прокручивать свои текстовые сообщения.

– А вам, сэр? – обратилась официантка к Джеку.

– Если закажешь семгу, – сказал Чарли, – опозоришь свое армянское происхождение.

И Джек заказал шиш-кебаб.

Официантка повернулась к Чарли.

– Мой доктор посадил меня на диету, где все, к чертям, понижено: жир, соль, сахар, мясо, вкус. Так что принеси-ка мне слабо прожаренную телочку с палочками моцареллы и с беконом на гарнир, таким, чтобы с него жир капал.

Официантка хихикнула:

– Боюсь, телочек у нас в меню нет.

– А как насчет ребрышек барбекю и порки-стикс? О, и еще жареную моцареллу на закуску. У меня сегодня день рождения.

– О? Поздравляю!

– Не хочешь угадать, сколько исполнилось?

Официантка прищурилась, она явно не хотела случайно обидеть посетителя.

– Я бы сказала – лет пятьдесят, пятьдесят пять.

– Пальцем в небо. Мне тридцать семь.

– Тридцать семь? – У официантки от изумления брови взлетели на лоб.

– По Цельсию. Доживешь до моих лет, перейдешь на метрическую систему.

Чарли подмигнул официантке, и та, хихикая, удалилась.

Лицо Чарли почти всегда было непроницаемым. Глядя на него, трудно было считать, какие эмоции он в данный момент испытывает. Это было идеальное лицо для ведения допросов. Уже семь лет, как Чарли был на пенсии, а до этого служил в полиции Кембриджа. Джек часто представлял, как преступники ежились под взглядом полицейского с холодными голубыми глазами и с лицом столь же выразительным, как у истуканов с острова Пасхи. На допросе у такого даже святой в убийстве признается.

Но сегодня, пока они с дочкой подшучивали друг над другом, Чарли постоянно улыбался и шурился с довольным видом. Джек, наблюдая за ними, тосковал по временам, когда они с Мэгги так же с любовью отпускали шуточки в адрес друг друга. В те времена она еще не приходила из клиники вымотанной настолько, что даже сил на простые разговоры не оставалось. Казалось бы, еще совсем недавно Джек и Мэгги ужинали около половины седьмого, причем готовил тот, кто приходил домой первым, или еще лучше – вместе. Или отправлялись в любимый ресторанчик, или, если вечер был теплый, ехали в «Келли» на Ревир-Бич и заказывали роллы с лобстером. Теперь, за исключением особых вечеров вроде сегодняшнего, их ужин был «ужином навынос», либо они ели каждый сам по себе: Мэгги в клинике, а Джек – в «Сабвее» возле дома.

Снова зажужжал телефон Мэгги. Она посмотрела на экран и нахмурилась, а потом переслала звонок на голосовую почту.

– Может, выключишь, пока мы тут едим? – предложил Джек, очень постаравшись не выдать своего раздражения.

Мэгги, вздохнув, убрала телефон в сумочку.

– С днем рождения! – пожелала вновь появившаяся официантка и плавно расставила тарелки на столе.

– Да, денек выдался что надо. – Чарли счастливо обозрел темные и блестящие от абрикосового соуса ребрышки на решетке и миску с горой картошки фри, залитой расплавленным сыром и утыканной беконом.

Мэгги оценила взглядом свой устрашающего вида, источающий сыр бургер.

– Да, пап, такого монстра я не едала с твоего прошлого дня рождения.

Чарли улыбнулся и заткнул салфетку за воротник.

– Я в курсе, что это для меня вредно. Так что, может, тебе следует вызвать «скорую», пусть постоят снаружи с включенным двигателем. Если случится сердечный приступ, желаю, чтобы эта миленькая официантка сделала мне дыхание рот в рот.

Сказав это, он взял нож для стейка и вдруг замер и поморщился.

– Ты как, пап? – спросила Мэгги. – Все в порядке?

– Все норм, просто опять ледяной иголкой в спину кольнуло.

– То есть?

– То есть такое чувство, будто кто-то вонзил нож между лопаток. Ненавижу такое.

– И давно это у тебя? – Мэгги поставила бокал на стол.

– Пару-тройку недель. – Чарли небрежно махнул рукой. – Чепуха, кольнет и пройдет.

– Может, мышцу в зале потянул? – предположил Джек.

Чарли регулярно ходил в «Голдс» на Арлингтон-Хайтс и всегда был в отличной физической форме. Если позволяла погода, проезжал на велосипеде шестьдесят миль, а то и больше, и в семьдесят лет бицепсы у него были как у атлета.

– Ты советовался по этому поводу со своим доктором? – спросила Мэгги.

– Он сказал, что это просто мышечное напряжение.

– Прописал тебе что-нибудь?

– Ага, тайленол. Может, мне следует навеститься к костоправу?

– Господи, нет. Ты знаешь, что я о них думаю. В твоём возрасте это, скорее всего, остеохондроз. Последнее, что тебе нужно, это чтобы кто-то манипулировал с твоим позвоночником. Тебе надо сделать МРТ.

– И что оно покажет?

– Возможно, защемление нерва.

– Хм. А я-то думал, это просто возрастное.

– Дам тебе телефон хорошего доктора. Посмотрим, может, он хоть на рентген тебя отправит.

– Ой-ей! – Чарли хлопнул себя по груди. – Стариканам приготовиться! Где же эта официанточка? Мне срочно требуется дыхание рот в рот.

– Хорошая попытка, пап, – вздохнула Мэгги.

Ее телефон был в сумочке, но они все равно услышали, как он зазвонил. Мэгги не смогла удержаться, достала телефон, посмотрела на входящий номер и тут же встала из-за стола.

– Извините, но я должна ответить.

Она прижала телефон к уху и пошла из зала.

– Ее пациентам повезло, – сказал Чарли. – Мой доктор, думаю, даже имени моего не знает. Я для него просто очередной семидесятилетний старикан.

Джек хмыкнул.

Чарли обмакнул палочку моцареллы в соус и откусил кусочек.

– Что я сейчас услышал, Джек? У тебя какие-то проблемы?

– Я ничего не сказал.

– Но ты подумал, и я это услышал. У вас с Мэгги все в порядке?

– О чем ты сейчас?

Чарли, как сейсмограф, улавливал малейшие тектонические толчки, а его взгляд был таким пристальным, что Джек чуть ли не физически почувствовал, как он взглядом просверливает его мозг.

– Все дело в ее работе, а так больше ничего.

– А что с ее работой?

– Она все пожирает.

– Мэгги предана своим пациентам. У нее охренеть какая практика. Естественно, это отбирает свободное время.

– Я знаю, и я горжусь своей женой, но в последнее время мы живем как два корабля ночью на встречном курсе.

– Да, такова дьявольская природа вещей, – заметил Чарли. – Когда ты в браке с профи, приходится с этим мириться. Все настоящие доктора такие, Мэгги – не исключение.

И что на это сказать? На свадьбе друзья Джека поздравляли его с тем, что он взял в жены не только красотку, но еще и такую красотку, которая будет приносить в дом реальные деньги. А теперь они даже телевизор вместе редко когда смотрели.

– Может, ей стоит немного сократить свои часы, – предложил Чарли.

– Да, хотелось бы. Но когда твои пациенты действительно нуждаются в тебе...

Джек замолчал. Он хотел сказать, что в таком случае муж отступает на второй план, но не стал.

И еще он увидел по лицу Чарли, что тот ему сочувствует. С чего бы это? Мэгги была его идеальной, прямо-таки блестящей дочерью. А Джек – парень, который увел ее, парень, который тратит свое время на чтение семинара «Несчастливые влюбленные».

Мэгги вернулась и села за стол.

– Простите, что пришлось прервать наш ужин.

– Все хорошо? – спросил Чарли.

– У меня пациентка, она очень серьезно больна. Ей всего сорок три, и у нее трое маленьких детей. И она умирает.

– Господи, – выдохнул Чарли.

– Рак яичников в последней стадии. – Мэгги сделала глубокий вдох и провела ладонью по лицу. – День выдался долгим. Прости, что порчу веселье в твой день рождения.

– Мэгги, родная, ты никогда не испортишь мой день. Хочешь об этом поговорить?

– Вообще-то, нет. Я бы предпочла поговорить о чем-то более приятном.

– Ты прям как твоя мать. Знаешь об этом? Если дела плохи – ни слова не услышишь, всегда все в порядке. И так до самой смерти. Ты с каждым днем все больше на нее похожа.

Джек наблюдал. Отец и дочь взялись за руки. Эта связь возникла между ними задолго до того, как он познакомился с Мэгги. Джек ничего не имел против их близости, он просто-напросто им завидовал. И он уже не в первый раз подумал о том, как было бы хорошо иметь такую близкую связь со своим ребенком.

Если бы у них был ребенок.

Позже, когда они вышли из ресторана, посыпал легкий снег. Джек сначала подвез Чарли, а к тому времени, когда приехал домой, начался снег с дождем.

Мэгги сидела в кухне, вид у нее был измученный, и вообще она выглядела гораздо старше своих тридцати восьми лет.

– Сожалею о твоей пациентке.

Джек обнял жену, он хотел ее утешить, не более, но почувствовал, как она напряглась в ответ.

– Пожалуйста, Джек, – отстранившись, тихо сказала Мэгги. – Не сейчас.

– Я просто тебя обнял. Это не просьба заняться любовью.

– Извини, но я даже говорить сейчас не могу.

– Ничего. Кстати, что такого ужасного в том, что я хочу заняться любовью со своей женой? Мы так давно не...

Но Мэгги уже встала и пошла к двери.

– Я устала.

– Дело во мне? Скажи как есть, я выдержу. Я сделал что-то не так или не сделал? – Джек запнулся, это было тяжело, но он должен был спросить. – У тебя кто-то есть?

– Что? Господи, Джек, нет. Ничего такого. Принять душ и лечь спать – это все, что мне сейчас нужно.

Она выскользнула из кухни и пошла к лестнице, которая вела в их спальню.

Джек прошел в гостиную, выключил свет и какое-то время просто сидел в темноте и слушал, как за окном идет дождь со снегом. Вспоминал день свадьбы и клятвы, которыми они обменялись. Год спустя, получая диплом, Мэгги дала еще одну клятву, поклялась в верности своим пациентам. Кто на первом месте? Он или они?

Теперь Джек уже не был уверен, что знает ответ на этот вопрос.

В ту ночь, лежа рядом со спящей женой, он искренне ей завидовал, даже подумал, не закинуться ли парочкой таблеток ативана из пузырька в ящичке прикроватного столика. Но он слишком много выпил за ужином, и в прошлый раз, когда он смешал ативан с алкоголем, это закончилось тем, что он в одной пижаме сел за руль, а утром даже не смог вспомнить, куда ездил и чем занимался.

Джек закрыл глаза. Он жаждал забыться, но сон все не шел. Он вдыхал запах Мэгги – от нее пахло мылом и абрикосовым шампунем – и вспоминал, какими они были раньше.

«Я скучаю по тебе, – подумал Джек. – Скучаю по нам».

5. Тэрин

«Чем дольше она на него смотрела, тем сильнее разгоралось пламя... ее взгляд, ее сердце, все было приковано к нему...»

Таким было начало конца трагедии царицы Дидоны, той, которая спасла потерпевшего кораблекрушение воина, и это стало ее роковой ошибкой. Тэрин пожалела, что открыла эту пропитанную ненавистью и яростью книгу, но так уж случилось, что на семинаре «Несчастные влюбленные» именно «Энеида» Вергилия была задана для обязательного домашнего чтения. Профессор Дориан предупредил, что это трагедия, и Тэрин была готова к несчастливому концу. Она знала, что Энея, или царицу Дидону, или обоих ждет безвременная смерть.

Но она не была готова к тому, что это так ее разозлит.

Весь уик-энд Тэрин думала о царице Дидоне и ее возлюбленном Энее, воине Трои, который доблестно бился с греками, защищая свой город. Эней потерпел поражение и был вынужден бежать, Троя пала, он со своими людьми отплыл в Италию. Но боги не были к ним милосердны. Поднялся шторм, и флот Энея потерпел крушение. Чудом спасшиеся Эней и его люди оказались на острове Тир, где правила царица Дидона.

Если бы только Дидона сразу приказала придать Энея мечу... Или без жалости швырнуть его обратно в море. Если бы она пошла на это – прожила бы до старости в окружении своих любящих подданных. Она могла бы найти счастье с мужчиной, который уж точно был достоин ее любви. Но нет, Дидона оказалась слишком мягкосердечной, она доверилась чужестранцам из Трои. Она дала им еду и кров. И что хуже всего – она была настолько безрассудна, что отдала Энею свое сердце. Забыв о достоинстве, Дидона ради какого-то незнакомца пожертвовала репутацией целомудренной вдовствующей царицы.

И этот чужестранец предал, а затем покинул ее.

Эней разбил сердце возлюбленной и уплыл с Тира в погоне за славой. Обуянная горем Дидона приказала возвести погребальный костер и взошла на него. Там она, жаждающая смерти, вынула из ножен меч троянской стали и вонзила его в себя.

«...и в то же мгновение тепло покинуло тело и ветер развеял жизнь».

Эней с корабля мог видеть поднимающиеся к небу языки пламени. И он наверняка понимал, что это за костер. Он знал, что огонь того костра пожирает плоть женщины, которая его любила и всем ради него пожертвовала. Он обливался слезами? Почувствовал раскаяние и приказал развернуть корабль? Нет, он плыл дальше в погоне за удачей и славой.

Тэрин хотелось разорвать все до одной страницы этой книги на клочки и спустить их в унитаз. Или соорудить из них в раковине в кухне костер и смотреть, как их, словно несчастную Дидону, пожирают языки огня. Тэрин запихнула книжку в рюкзак – это тема завтрашних занятий на семинаре «Несчастные влюбленные». О, ей было что сказать по поводу «Энеиды». Об этих так называемых героях, которые предают любящих их женщин.

В ту ночь ей снился костер. На костре стояла женщина, ее волосы охватил огонь, ее рот был разинут в крике. Женщина была в агонии. Тэрин хотела ее спасти, хотела вытащить из костра и сбить огонь, но ее словно парализовало, она просто смотрела, как тело женщины горит, а потом обугливается и превращается в пепел.

Тэрин разбудил далекий вой «скорой помощи». Сердце гулко стучало в груди. Постепенно она отошла от ночного кошмара и стала различать звуки проезжавших мимо дома машин. Потом заметила, что за окном посветлело, глянула на будильник и подскочила на кровати.

Она опаздывала на семинар профессора Дориана, но Коди пообещал, что займет для нее место. Он, как всегда, сидел ссутулившись в конце стола в своей неизменной надвинутой на лоб бейсболке «Ред сокс». Тэрин тихо вошла в класс, щелкнул замок, и несколько голов поверну-

лось в ее сторону. Профессор Дориан прервался на полуслове, а Тэрин, пока шла к свободному стулу рядом с Коди, чувствовала, что он за ней наблюдает. В наступившей тишине особенно громко скрипнул стул Коди и зашуршала его куртка, когда он стягивал ее со свободного стула.

– Ты где пропала? – шепнул он, пока Тэрин садилась за стол. – Я уже начал думать, что ты не придешь.

– Проспала. Что я пропустила?

– Так, введение, я сделал заметки, потом дам тебе копию.

– Спасибо, Коди. Ты – лучший.

И Тэрин действительно так считала. Что бы она без него делала? Коди всегда делился с ней своими конспектами и ланчем. Да, ей следовало быть с ним помягче.

Профессор Дориан все еще смотрел на Тэрин, но без раздражения, а как на какое-то странное лесное существо, которое забрело в его класс, и теперь он не знал, что с ним делать. А потом он словно вдруг вспомнил, где находится, и продолжил лекцию – повернулся к доске, на которой уже успел написать четыре пары имен.

Тристан и Изольда

Ясон и Медея

Абеляр и Элоиза

Ромео и Джульетта

– Итак, на этом семинаре мы обсудили четыре пары несчастных влюбленных. – Профессор снова повернулся к студентам, и на секунду Тэрин показалось, что он посмотрел ей прямо в глаза. – На прошлой неделе у нас были Абеляр и Элоиза. Пришла пора перейти к следующей паре, чей роман обернулся настоящей трагедией. В истории Энея и Дидоны, как и в истории Ясона и Медеи, есть тема предательства. – Профессор написал имена влюбленных на доске. – К сегодняшнему дню вы все должны были ознакомиться с «Энеидой». – Он оглядел студентов, кто-то кивнул, кто-то неопределенно пожал плечами. – Хорошо. Есть желающие поделиться впечатлениями?

Желающих, как всегда, не оказалось, никто не хотел выступать перед группой первым.

– Я считаю, это круто, что Рим основал такой парень, как Эней, – сказала Джессика. – Раньше я думала, что его основали два пацана, которые в детстве сосали волчицу. Не знала, что это Эней.

– Согласно Вергилию, да, – сказал Дориан. – Он писал, что Эней был принцем Трои, который защищал свой город от греков. После падения Трои он бежал в Италию и стал первым легендарным героем Рима. Теперь, после того как вы прочитали «Энеиду», все согласны с тем, что он был героем? – Профессор оглядел класс. – Кто готов ответить?

– Ясное дело, он герой, – сказал Джейсон. – И троянцы так считали.

– А что по поводу его отношений с царицей Дидоной? Он ее бросил, а она покончила с собой. Этот факт никак не повлиял на ваше к нему отношение?

– С чего бы? – спросил Люк. – Дидона не обязана была себя убивать. Это был ее выбор, ее и никого другого.

– А у Энея были дела поважнее, – добавил Джейсон. – Он должен был основать царство. Людям требовался лидер. Да и Тир в любом случае не был его родиной, он не присягал ему на верность.

Тэрин с нарастающим раздражением слушала, как ее сокурсники оправдывают предавшего Дидону Энея, и в итоге не выдержала:

– Он не герой! Он самовлюбленный мудака, в точности как Абеляр. И как Ясон. Мне плевать, что он отправился основывать Рим. Он бросил Дидону, а значит, он предатель.

Все в классе притихли.

Джессика презрительно рассмеялась. Она никогда не упускала возможности публично унижить Тэрин и теперь, не раздумывая, нанесла удар по самому уязвимому месту.

– Тэрин, мы что, опять должны выслушивать твоё нытье? То же самое ты говорила и про Ясона, и про Абеяра. Похоже, ты помешана на мужчинах, которые предают своих женщин.

– Именно это Эней и сделал, – уверенно сказала Тэрин. – Он предал Дидону.

– И чего ты зациклилась на этой теме? Тебя парень бросил, что ли?

Коди накрыл ладонью руку Тэрин, словно говоря: не слушай, она тебя провоцирует. И конечно же, он был прав. Жизнь постоянно сталкивала Тэрин с такими, как Джессика, с привилегированными девушками, которые всегда получали то, что хотели. Такие девчонки не знали, как выглядит «Гудвилл»⁷ изнутри, потому что покупали исключительно новую одежду. Каждое лето Тэрин подрабатывала в кафе «Мороженое», и они любили приводить туда своих друзей, просто чтобы похихикать, пока она их обслуживает.

О да, она отлично знала таких, как Джессика, а вот они ее совсем не знали.

Коди сжал ее руку, она сделала глубокий вдох и откинулась на спинку стула.

– Ну, я угадала? – Джессика оглядела сидящих за столом студентов. – Это тема Тэрин – преданные женщины.

– Давайте продолжим, – сказал профессор Дориан.

– Может, тут что-то личное, – не унималась Джессика. – Видно же, она постоянно говорит о мужчинах, которые...

– Я сказал, давайте продолжим, – повторил профессор.

– Я просто сказала, что думаю. – Джессика надула губы.

– Оставьте в покое Тэрин. Она имеет право высказать свое мнение, и я рад, что она поделилась им с нами. А теперь вернемся к «Энеиде».

Профессор Дориан увел обсуждение в другом направлении, а Тэрин переключила свое внимание на мужчину, который встал на ее защиту. Она почти ничего о нем не знала. Не знала, что у него в прошлом, есть ли у него семья, не знала даже, что означает «Р» в его имени Джек Р. Дориан. Тэрин только в этот момент заметила, какой у него усталый и даже немного подавленный вид, как будто эти пререкания в классе до смерти ему надоели. Он носит обручальное кольцо, значит женат. Может, поругался с утра с женой или детьми? Тэрин мысленно отнесла его к хорошим парням, не к таким, как Эней, Абеяра или Ясон, а к тем, кто никогда не предаст любимую женщину.

Сегодня он ее защитил. Ей следовало поблагодарить его за это.

После занятий студенты один за другим вышли из класса, а Тэрин задержалась и понаблюдала за тем, как профессор складывает свои бумаги.

– Профессор Дориан!

Он поднял голову и как будто удивился, увидев Тэрин.

– Да, Тэрин? Я могу как-то тебе помочь?

– Вы уже помогли. Спасибо за то, что сказали на занятии. Сказали Джессике.

Дориан вздохнул:

– Она была слишком уж враждебно настроена.

– Ага. Не представляю, что я такого сказала на вашем семинаре, что она так меня невзлюбила. Такое впечатление, что ее раздражает даже то, как я дышу. Но в любом случае спасибо.

Тэрин повернулась, чтобы уйти.

– О, чуть не забыл. – Дориан просмотрел пачку бумаг и достал эссе о Ясоне и Медее, которое она написала на прошлой неделе. – Я раздал работы в начале занятий. До вашего прихода.

Наверху первой страницы стояла оценка А+.

⁷ «Гудвилл» – сеть магазинов секонд-хенда.

- Ой, глазам не верю, – изумилась Тэрин.
- Оценка вполне заслужена. Видно, что вы писали искренне и не поскупились на эмоции.
- Это потому, что я правда так чувствую.
- Многие чувствуют, но не все способны выразить свои чувства на бумаге так, как вы.

После того, что вы сказали на сегодняшнем занятии, я буду с нетерпением ждать вашу следующую работу по «Энеиде».

Тэрин посмотрела на Дориана и впервые заметила, что у него зеленые глаза, такого же оттенка, как у Лиама. Он был не такой высокий, как Лиам, и не такой широкоплечий, но глаза у него были добрее. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга и никак не могли подобрать подходящие для такого момента слова.

- Потом Дориан опустил взгляд и резко захлопнул портфель.
- Увидимся в музее на следующей неделе.

6. Тэрин

– Вот черт, он поставил тебе «А» с плюсом? – изумился Коди, когда они шли через двор. – Я жопу рвал, работая над этим эссе, и получил всего «В» с плюсом.

– Может, ты недостаточно хорошо прочувствовал тему.

– «Несчастливые влюбленные?» – глядя прямо перед собой, уточнил Коди. – О, я очень хорошо ее прочувствовал.

Тэрин вся сияла. Похвала профессора Дориана окрылила ее, вошла прямо в вены, как топливо в пустой бак самолета, ее прямо разрывало от желания поделиться своим успехом. Она достала сотовый, чтобы позвонить матери, пусть даже Бренда в такой час только заползала в кровать после ночной смены в доме престарелых, и тут заметила, что от матери пришло сообщение. Прочитав строку темы, Тэрин остановилась посреди двора как вкопанная.

Не пора ли вернуться домой?

Тэрин открыла сообщение.

Сообщение было длинным – несколько абзацев. Коди наблюдал за Тэрин, а мимо шли студенты, огибая их, как стайки рыб огибают каменный столб.

Тэрин читала и снова перечитывала сообщение.

Нет, Бренда не могла написать это всерьез.

– Тэрин! – окликнул ее Коди.

Она набрала номер матери, но звонок сразу переадресовался на голосовую почту. Впрочем, этого следовало ожидать: Бренда, ложась спать после смены, всегда отключала звук телефона.

– Что-то случилось? – спросил Коди, когда Тэрин выключила свой сотовый.

– Мама пишет, что если я собираюсь продолжать учебу в магистратуре, то документы надо подавать в Мэне.

– Почему?

– Деньги. Всегда все дело в деньгах.

– Ну, вернешься в Мэн, это что – великая трагедия?

– Да, трагедия, и ты прекрасно это знаешь! Мы с Лиамом все давно спланировали. Мы решили, что останемся в Бостоне.

– Может, его планы уже изменились, – предположил Коди.

– Нет, не изменились, – отрезала Тэрин.

Она так взглянула на Коди, что тот сразу притих и посмотрел на башенные часы, а потом робко напомнил:

– Мы... мы так на занятия опоздаем.

– Ты иди. Увидимся позже.

– А как же вопросы к эссе? Я думал, мы вместе над ними поработаем.

– Ну да, конечно. Вечером. Приходи ко мне.

Коди радостно улыбнулся:

– Я принесу пиццу.

– Договорились, – пробормотала Тэрин, продолжая смотреть на свой телефон.

Она даже не заметила, как ушел Коди.

У матери был очень усталый голос. Четыре часа дня для младшей медсестры, которая работает в доме престарелых на побережье, все равно что четыре утра для нормального человека.

– Думаю, ты не понимаешь, насколько это для меня важно, – сказала Тэрин. – Я не могу вернуться в Мэн.

– И чем ты собираешься заняться после окончания учебы?

– Пока не знаю. Подумываю о магистратуре. У меня хорошие оценки, так что вполне могу поступить в какую-нибудь университетскую школу здесь, в Бостоне.

– У нас в Мэне отличные школы.

– Но я не могу уехать из Бостона, – сказала Тэрин, хотя точнее было бы: «Я не могу уехать от Лиама».

– Тэрин, не все наши желания должны исполняться. Я очень старалась вовремя оплачивать твои счета за учебу, но из камня воду не выжмешь. Вторая выплата далась мне с большим трудом. Мне теперь даже не подо что кредит взять, и я уже работаю в две смены. Будь благоразумна.

– Речь идет о моем будущем.

– Я о нем и говорю. Когда-нибудь тебе придется возвращать все эти кредиты. Ради чего влезать в такие долги? Чтобы хвастать, что ты закончила какую-то модную школу в Бостоне? А как же моя пенсия? Я ни пенни для себя не отложила. – Бренда вздохнула. – Милая, я больше не могу тянуть эту лямку. Я устала. С тех пор как ушел твой отец, вся моя жизнь – сплошная работа.

– Но так не будет продолжаться вечно. Я о тебе позабочусь, обещаю.

– Тогда почему бы тебе не вернуться домой? Возвращайся и живи со мной. Здесь ты получишь любое образование, какое только захочешь. И работу на неполный день тебе тут подыщем, чтобы легче было расплатиться со всеми этими долгами.

– Я не могу вернуться в Мэн. Мне надо быть здесь, в Бостоне.

– В Бостоне с Лиамом. В этом все дело? Быть с ним в одном городе и в одной школе.

– Диплом хорошей школы – это важно.

– Не спорю, только его родители могут себе это позволить, а у меня нет таких денег.

– Они у нас будут, мы справимся.

Еще один тяжелый вздох.

– Почему ты так с собой поступаешь, Тэрин?

– В каком смысле?

– В таком, что ты ставишь свое будущее на какого-то парня. Ты ведь не дурочка, должна понимать. Неужели ты не усвоила урок, когда твой отец ушел от нас? Нельзя полагаться на мужчин. Мы можем полагаться только на себя, на собственные силы. Чем скорее ты возьмешься за ум...

– Я не хочу об этом говорить.

– Что происходит, милая? Что-то не так, я слышу это по твоему голосу.

– Я просто не хочу возвращаться в Мэн.

– Между вами с Лиамом что-то происходит?

– Ничего подобного. С чего ты взяла?

– Тэрин, он не единственный парень на земле. Это нездорово, все время по нему сохнуть, когда вокруг столько...

Тэрин не дала матери договорить:

– Мне надо идти, кто-то в дверь стучит.

И она прервала разговор, который начинал действовать ей на нервы.

Тэрин отчаянно хотелось поговорить с Лиамом, она уже отослала ему три голосовых сообщения, а он до сих пор не перезвонил. На улице пошел снег, но Тэрин больше ни минуты не могла находиться в своей крошечной квартирке. Ей надо было пройтись, проветрить голову.

Тэрин не думала, куда идет, ноги сами привели ее по давно проложенному маршруту к дому Лиама.

К этому времени уже стемнело. Она стояла на тротуаре и смотрела на его окна. У соседей горел свет, но у Лиама было темно. Тэрин знала, что его последняя лекция закончилась не час

и не два назад. Так где же он? Подниматься в квартиру Лиама было слишком рискованно, он мог вернуться в любую минуту. Но Тэрин так хотелось хоть одним глазком его увидеть, что она просто не могла взять и уйти.

Тэрин зашла в джус-бар, который располагался прямо напротив дома Лиама, заказала себе сок из ягод асаи и села за столик у окна. Шел легкий снег. Тэрин наблюдала за домом Лиама. Наступило время ужина, и она вспоминала все вечера, которые они вместе проводили в его квартире, уплетая купленную навынос еду. Пад-тай из «Сиам-хаус». Бургеры с картошкой фри из «Файв Гайс». Они ели за его кофейным столиком и смотрели телевизор, а потом сбрасывали с себя одежду и ныряли в кровать.

Я скучаю по тебе. А ты? Ты скучаешь по мне?

Искушение позвонить Лиаму было настолько сильным, что Тэрин не смогла его побороть. И снова ее звонок переадресовали на голосовую почту.

Он очень занят, он занимается, конечно, он занимается, ведь он решительно настроился поступить в юридическую школу, а для этого надо подготовиться, чтобы пройти LSAT⁸. Вот почему он отключил телефон.

Тэрин заказала еще один стакан сока и пила очень медленно, чтобы никому не пришлось в голову попросить ее покинуть бар.

Лиам наверняка занимается в библиотеке. Может, стоило пойти туда, а не торчать в баре напротив его дома? Сесть за стол на первом этаже, ближе к туалетам, разложить книги и работать над эссе для семинара профессора Дориана. Лиам по пути в туалет наверняка бы ее заметил. Его бы впечатлило, как серьезно она относится к учебе. Лиам бы понял, что она уже не та девчонка из маленького городка, с которой он подружился в средней школе. Нет, теперь перед ней открывались перспективы и она во всех смыслах была для него идеальной парой.

Зазвонил телефон.

Лиам?

Тэрин дрожащей рукой поднесла трубку к уху.

– Алло?

– Я думал, мы сегодня занимаемся у тебя. Звоню в домофон, ты неходишь.

Тэрин устало откинулась на спинку стула.

Это Коди – какой облом.

– О господи, из головы вылетело.

– Ага, а я стою у тебя под домом. Пиццу вот принес. Ты где вообще?

– Я не смогу сегодня с тобой встретиться. Давай в другой раз?

– Но мы собирались пройтись по вопросам для семинара Дориана. Я все книги с собой притащил, все свои записи.

– Слушай, у меня сейчас голова не варит. Позвоню тебе завтра, хорошо?

Коди молчал. Тэрин представила, как он стоит у нее под домом в своем объемном пуховике и его бейсболку потихоньку присыпает снег. Сколько же он там прождал ее на холоде?

– Прости, Коди, но я правда сегодня не смогу.

– Ладно, – Коди вздохнул, – прощаю.

– Поговорим завтра?

– Конечно, Тэрин.

Он прервал разговор.

Тэрин посмотрела на окна Лиама. Темно.

«Еще немного, – подумала Тэрин, – посижу еще чуть-чуть и уйду».

⁸ LSAT (*Law School Admission Test*) – вступительный тест для юридических вузов.

После

7. Фрэнки

Бойфренда Тэрин зовут Лиам Рейли, и он, похоже, из тех парней, кого матери считают завидными женихами для своих дочерей. Рослый блондин, чисто выбрит, одет опрятно – брюки чинос и оксфордская рубашка.

Стоит Фрэнки с Маком войти в его квартиру, он сразу вежливо предлагает кофе. В наше время редко встретишь молодого человека, который с уважением относится к копам, и еще реже того, который будет с ними настолько любезен, что предложит кофе.

Когда они все втроем располагаются в гостиной, Фрэнки обращает внимание на аккуратную стопку буклетов юридических школ на кофейном столике. И это тоже производит на нее впечатление. Лиам совсем не похож на нечесаных музыкантов, которых недавно притащили домой двойняшки. Те ребята явно без особых амбиций, для них главное – найти площадку для следующего выступления группы. Такие боятся посмотреть Фрэнки в глаза просто потому, что она – коп. И почему ее девочки не пригласили вместо них Лиама? У него родители – врачи, говорит вежливо, речь грамотная, плюс ко всему сейчас сказал, что его приняли сразу в две юридические школы. Приводов в полицию нет, даже талонов за неправильную парковку и тех нет. И похоже, известие о смерти бывшей подружки для него действительно шок.

– У вас нет хоть каких-то догадок, почему Тэрин могла покончить с собой? – спрашивает Фрэнки.

Лиам трясет головой:

– Я знаю, она расстроилась, когда я с ней порвал. И да, иногда она вела себя как мелкая психопатка. Но убить себя? Это не похоже на Тэрин. Совсем не похоже.

– Что вы имеете в виду, когда называете ее мелкой психопаткой? – спрашивает Мак.

– Она преследовала меня.

Мак приподнимает брови, и Лиам продолжает:

– Серьезно, прямо как настоящая сталкерша. Началось с того, что она чуть ли каждый час звонила и слала эсмэски. Потом она начала приходить в мою квартиру, пока меня не было дома.

– И вы ее застукали?

– Нет, но одна соседка видела, как Тэрин утром выходила из нашего подъезда. Дело в том, что она не вернула мне ключ от квартиры и могла приходить, когда захочет. А потом я заметил, что начали пропадать кое-какие вещи.

– Что за вещи?

– Да всякая ерунда типа моих футболок. Сначала я подумал, что сам куда-то их задевал, а потом понял, что это она. И это, скажу я вам, было немного жутковато. А потом стало еще хуже.

– Вы сказали, что она продолжала вам звонить и слала сообщения, – уточняет Фрэнки.

– Пришлось ее заблокировать. Но однажды она воспользовалась телефоном одного студента и позвонила мне с него.

– Значит, у нее все-таки был телефон.

Лиам смотрит на Фрэнки, как будто не может понять, о чем он вообще говорит.

– Естественно, у нее был телефон.

– Но дело в том, что мы его не нашли.

– Да был, конечно. Тэрин постоянно жаловалась, что ее мама может купить только андроид.

– Если мы его найдем, вы сможете его разблокировать? – интересуется Мак.

– Смогу. Ну, если только она не сменила пароль.

– И какой был пароль?

– Ну... – Парень отводит глаза. – Наша годовщина. День нашего первого поцелуя. Тэрин была сентиментальной, вечно уговаривала меня вместе отмечать этот день. Даже после...

Лиам умолкает.

– Вы сказали, что она продолжала слать вам сообщения, – говорит Фрэнки. – Мы можем их просмотреть?

Лиам выдерживает паузу, явно прикидывает – есть ли у него на телефоне что-то, что не стоит показывать копам. Потом неохотно вытаскивает айфон из кармана, снимает блокировку экрана и передает телефон Фрэнки.

Фрэнки просматривает список сообщений, пока не находит ветку с СМС от Тэрин Мур. Последние – трехмесячной давности.

Где ты?

Почему не пришел? Я прождала два часа.

Почему меня избегаешь?

Позвони ПОЖАЛУЙСТА. Это важно!!!!

Судя по сообщениям, девушка была в отчаянии, но Лиам и не думал ей отвечать. Он выбрал путь труса: решил отмалчиваться, оставил свою девушку кричать в пустоту.

– Думаю, вы уже связались с ее матерью, – говорит Лиам. – Надеюсь, Бренда в порядке.

– Разговор был трудный, – признается Фрэнки.

И это еще мягко сказано, но не Фрэнки обрушила на мать Тэрин страшную новость. Это пришлось сделать офицеру полиции Хобарта, он постучал в дверь Бренды Мур и лично сообщил ей о смерти дочери. Уже потом, спустя несколько часов Фрэнки позвонила матери Тэрин и услышала ее сорванный от рыданий голос.

– Бренда всегда хорошо ко мне относилась, – говорит Лиам. – А я всегда вроде как ей сочувствовал.

– Да? Почему?

– Ее муж сбежал с другой женщиной, когда Тэрин было всего десять. И думаю, Тэрин так после этого и не оправилась.

– Не поэтому ли она была на грани нервного срыва, когда вы ее бросили?

Лиам морщится, ему не нравится сравнение с отцом Тэрин.

– Мы с Тэрин не были помолвлены, вообще ничего такого. Обычные отношения, как у всех старшекласников. Да, мы выросли в одном городе, но, кроме этого, между нами не было ничего общего. Я планирую поступить в юридическую школу, у Тэрин никаких планов не было. Вообще никаких, разве что выйти замуж.

Фрэнки снова смотрит на телефон Лиамы:

– Это последние ее сообщения?

– Да.

– Насколько я вижу, все февральские. После февраля никаких не было?

– Нет. Она перестала писать после того скандала в ресторане. Я ужинал со своей девушкой, Либби. Тэрин, не знаю уж как, выяснила, где мы, и ворвалась прямо в зал. Начала перед всеми кричать на меня. Пришлось волоком тащить ее на улицу. Когда выволлок, сказал, что между нами все кончено. И все, после этого она перестала слать свои эсэмэс. Я подумал, что она решила двигаться дальше и, может, даже завела нового бойфренда.

– Мать Тэрин не говорила, что у нее появился новый бойфренд.

– Откуда Бренде знать? – Лиам пожимает плечами. – Тэрин с ней никогда таким не делилась.

Фрэнки думает о том, какими секретами с ней не делятся дочери. Противозачаточные таблетки в ящике с нижним бельем Гэбби. Тот парень, который имел наглость тайком пробираться в спальню Сибил, пока Фрэнки не наставила на него ствол служебного пистолета.

Да, дочери умеют хранить секреты от своих матерей.

– Так у нее был бойфренд или нет? – спрашивает Мак.

– Ничего о таком не знаю.

– Видели ее с каким-нибудь парнем?

– Только с ее одноклассником. Этот парень постоянно возле нее околачивался. Не знаю, как его зовут.

– Как думаете – у них были отношения?

– В смысле, романтические? – Лиам смеется. – Исключено.

– Почему это?

– Если бы вы его увидели, не стали бы спрашивать. Парень – здоровенный увальень, настоящий жиртрест. Тэрин наверняка из жалости позволяла ему быть рядом. Другой причины даже в голову не приходит.

– У меня есть пара подсказок. Дружба? Или он интересная личность?

Лиам фыркает:

– Ага, конечно.

Он уверен в своей неотразимости, и самооценка у него явно зашкаливает, так что ему трудно представить, что его могли заменить на какого-то увальню. Фрэнки приходит к выводу, что ей все-таки не нравится этот парень.

– Лиам, как по-вашему, почему Тэрин покончила с собой?

– Не знаю. – Лиам трясет головой. – Как я уже сказал, мы давно не контактировали.

– Она была вашей девушкой. Вы начали встречаться еще в средней школе. У вас должны быть какие-то догадки.

Лиам на секунду задумывается. Но только на секунду, не дольше. Как будто над этим вопросом вообще не стоит ломать голову.

– Я действительно не знаю. – Он смотрит на свои часы «Эпл вотч». – У меня встреча через двадцать минут. Мы закончили? Вопросов больше нет?

– Какой же он говнюк, – говорит Фрэнки Маку за ланчем в столовой полицейского управления Бостона.

– Дерьмо идет в комплекте со званием «золотой мальчик». Я в детстве-юности сталкивался с такими типажам. Самодовольные, надменные придурки. Считали, что они особенные, а на самом деле просто выиграли в генную лотерею, и ничего больше. Я бы и сам не отказался от парочки таких генов.

– А что не так с твоими?

– Мы сейчас не о моем диабете, розацеа и мужском, соответственно, облысении?

– Не думаю, что розацеа – генетическое заболевание, Мак.

– Нет? Ну я как-то умудрился перенять ее от матери.

Мак подносит ко рту сэндвич с сыром и ветчиной и откусывает солидный кусок. Учитывая его вес и гипертонию, сыр и ветчина ему не рекомендованы, но этот сэндвич – настоящее искушение по сравнению с салатом «Цезарь», который заказала себе Фрэнки. Объективности ради стоит заметить, что Фрэнки не любительница салатов, но утром она мельком увидела свое отражение в женском туалете, и это отражение послужило подтверждением того, о чем ей давно намекал ремень на брюках. Пока брюки не перестанут давить, салаты будут ее спутниками. И еще до тех пор, пока она не перестанет морщиться, увидев себя в зеркале.

– Ну и какие планы на вечер? – поинтересовался Мак.

– Думаю, телевизор и постель. – Фрэнки смиренно цепляет вилкой лист салата ромен и без энтузиазма отправляет его в рот. – Почему спрашиваешь?

– Если планов нет, у Пэтти имеется кузен.

– Понятное дело, имеется.

– Ему шестьдесят два, хорошая работа, дом. И ни судимостей, ни приводов.

– Какой молодец, прям выигрыш в лотерею.

– Пэтти считает, что он должен тебе понравиться.

– Я вышла из игры, Мак.

– И не подумываешь снова выйти замуж?

– Не подумываю.

– Серьезно? Плохо ли возвращаться вечером домой, где тебя кто-то ждет? Кто-то, с кем хорошо встретить старость?

– Ладно, ты прав. – Фрэнки опускает вилку на тарелку. – Я думаю об этом. Но на данный момент у моей двери не толпятся всякие там Ромео.

– Кузен Пэтти и правда симпатичный парень, и она ну прям очень хочет вас познакомиться. Можем обставить все по-простому, типа двойное свидание с пивом и бургерами. Если почувствуешь, что невмоготу, маякнешь мне и можешь сваливать.

Фрэнки берет вилку и с отсутствующим видом передвигает по тарелке лист салата латук.

– Этот ее кузен в курсе, что я коп?

– В курсе, она ему сказала.

– И все равно не против со мной познакомиться? Обычно это знание для них как щелчок по лбу.

– Пэтти говорит, он любит сильных женщин.

– И с огнестрельным оружием?

– Просто не размахивай им у него под носом. Будь собой, ты ведь душка, и все будет прекрасно.

– Ну, не знаю, Мак. После последнего свидания вслепую...

– А знаешь, почему оно прошло хреново? Потому что его устроила твоя дочь, а ты пошла у нее на поводу. Черт, кому вообще придет в голову знакомить свою мать с барменом?

– Ну, вообще-то, он был очень даже секси. И делал отличный мартини.

– Начинать всегда надо с прошлого. – Мак склоняет голову, как будто отвешивает поклон. – Да, можешь не благодарить. Я проверил, с биографией кузена Пэтти полный порядок.

Полный порядок. И когда этот порядок был для Фрэнки качеством, которое она надеется обнаружить в мужчине? Учитывая, что она, прежде чем довольствоваться приемлемым вариантом, еще надеется пережить гормональные всплески и всякие там учащенные сердцебиения.

– И как зовут этого кузена?

– Том.

– Том, а дальше?

– Том Блэнкеншип. Вдовец. Двое взрослых детей. И как я уже говорил, досье чистое – ни одного талона за неправильную парковку.

– Прям звездный материал для свиданий.

Казалось бы, вечер заявлен как обычный – пиво с бургерами в пабе на Брайтон-авеню, так почему она стоит напротив шкафа и никак не может решить, что надеть? Фрэнки уже несколько месяцев не ходила на свидания. Последнее было с тем вороватым барменом. Фрэнки сомневается, что сегодняшний вечер окажется лучше предыдущих, но не теряет веры в то, что этот конкретный мужчина может оказаться именно тем самым. Поэтому она не собирается профукать шанс познакомиться с этим незнакомцем и стоит перед платяным шкафом, подбирая что-то подходящее на вечер.

Синее платье исключается – она переросла его на два размера. Фрэнки отправляет его вместе с плечиками в гору одежды, перспектива которой – кабина для пожертвований «Гудвилл». У зеленого платья пятна под мышками, так что туда ему и дорога. Признав поражение перед собственным довольно жалким гардеробом, Фрэнки выбирает свой проверенный временем черный брючный костюм. А что? У нее с ним гармония.

Фрэнки переодевается в этот самый черный брючный костюм и проходит в гостиную, чтобы там взять из шкафа свой плащ.

Гэбби отрывается от журнала, который вроде как внимательно читала, и кривится с видом знатока:

– Ой, мам, ты что, правда в этом пойдешь?

– Что не так?

– Все так, если ты в суд собралась. А платье надеть – проблема? Ну хоть что-нибудь типа секси?

– Вообще-то, за окном минус один по Цельсию.

– Сексуальность требует жертв.

– Это кто сказал?

– Вот тут сказано. – Гэбби машет журналом с фото модели в кожаном красном мини-платье.

Фрэнки с неприязнью смотрит на шпильки с каблуком шесть дюймов.

– Да, но нет.

– Перестань, мам. Ну хоть попробуй. Мы с Сибил считаем, что ты на шпильках очень даже аппетитная. Можешь в моих туфлях пойти.

– Во-первых, заруби себе на носу: слова «аппетитная» и «мама» не сочетаются в одном предложении, если только речь не идет о еде. И во-вторых, мне плевать, аппетитно я выгляжу или нет.

– А вот и не плевать.

– Пусть так. – Фрэнки надевает плащ. – Но я не стану принаряжаться ради какого-то незнакомого парня.

– Подожди-ка. Я не поняла. Мак устроил свидание вслепую?

– Угадала.

Гэбби стонет и снова переключается на журнал.

– Ну, тогда твое дело, иди в чем хочешь.

– Пожелай мне удачи. Возможно, приду поздно.

Гэбби перелистывает страницу.

– Сомневаюсь.

– А потом, когда наши дети еще учились в средней школе, она поступила в кулинарную школу и в сорок четыре года получила диплом. То есть начала строить новую карьеру в ресторанном бизнесе. Да, питались мы с детьми отлично! К ней на Бикон-Хилл приходила уйма народу, она устраивала для них и рождественские, и новогодние вечеринки, и вечеринки после бар-мицвы...

Фрэнки поглядывает на часы, отпивает глоток пива и начинает гадать, как бы поизящнее улизнуть из паба и отправиться домой. Сколько же можно рассказывать о своей святой жене Терезе, которая семнадцать месяцев как умерла? Причем не полтора года, а именно семнадцать месяцев. Том относится к своему статусу вдовца, как родители ребенка до двух лет – к своему. То есть ясно, что рана от потери еще не затянулась.

Когда Фрэнки только вошла в паб и увидела за столиком с Маком и Пэтти мужчину, с которым ей предстояло познакомиться, ей показалось, что вечер обещает быть удачным. Том к своим шестидесяти двум годам сумел остаться при волосах, был аккуратно пострижен и гладко

выбрит. Когда их представили друг другу, рукопожатие Тома было крепким, он посмотрел ей прямо в глаза и улыбнулся. Они заказали пиво и куриные крылышки. Фрэнки сказала Тому, что у нее дочери-двойняшки, он сказал, что у него тоже есть дочери, а потом начал рассказывать о своей покойной жене.

Это было два кувшина пива назад.

– Я в дамскую комнату, – бодро анонсировала Пэтти и, встав, слегка толкнула мужа в плечо.

– А? Ах да, пойду закажу еще один круг пива, – сказал Мак и тоже встал из-за стола.

Фрэнки отлично понимала, почему они оставили ее наедине с Томом-без-криминального-прошлого. Пэтти всех неженатых знакомых воспринимала как личный вызов, а Фрэнки была ее самым трудным проектом. Оставшись за столом одни, Фрэнки с Томом какое-то время неловко молчали и смотрели на деревянное блюдо с разворошенной горкой куриных крылышек.

– Жаль. – Том вздыхает. – Кажется, мне не удалось высечь искру интереса.

Это правда, но у Фрэнки нет желания быть жестокой.

– Том, я ведь вижу, что для вас все это слишком рано. На то, чтобы смириться с потерей, требуется время. Не стоит заставлять себя вернуться в игру с незажившей раной.

– Вы правы. Это мое первое свидание, с тех пор как... – Том осекся. – Но Пэтти уже не первый месяц уговаривает меня, как вы выразились, вернуться в игру.

– Да, она у нас настойчивая, будет долбить, пока своего не добьется.

– Да, она крутая. – Том рассмеялся.

– Но вы не готовы.

– А вы?

– Моя рана не такая свежая.

– Простите. – Том смотрит Фрэнки в глаза. – Я тут весь вечер говорил о своей жене, а следовало спросить вас о вашем муже. Что с ним случилось?

– Пэтти вам не сказала?

– Сказала только, что вы его потеряли несколько лет назад.

Вот за это Фрэнки искренне благодарна Пэтти. С нее достаточно того, что подробности знают коллеги.

– У него был сердечный приступ. Совершенно неожиданно во всех смыслах. Тому уже три года, так что у меня было время оправиться.

– А возможно ли это? По-настоящему?

Фрэнки задумывается. Вспоминает, как первые месяцы после смерти Джо лежала ночами без сна, изводила себя вопросами, на которые не было ответов, и ее горе смешивалось с гневом. Нет, она никогда по-настоящему не оправится, потому что теперь она ставит под вопрос все, во что когда-то верила, все, что раньше воспринимала как должное.

– По правде говоря, я еще не отошла после смерти Джо, – признает Фрэнки.

– Знаете, в некотором смысле даже легче становится от осознания, что не один я переживаю трудные времена.

– Сдается мне, вы были по-настоящему хорошим мужем. – Фрэнки улыбается.

– Мог бы быть и получше.

– Не забывайте об этом, если когда-нибудь снова соберетесь жениться. Но думаю, сейчас вам следует позаботиться о себе. – Фрэнки берет свою сумочку. – Приятно было познакомиться, Том. – Тут она совершенно искренна, хоть между ними и не пробежала и, вероятнее всего, не пробежит пресловутая искра. – Уже поздно, мне пора домой.

– Знаю, это свидание не предел мечтаний, и все-таки могу я вам как-нибудь позвонить?

– Не исключено. Я дам вам знать.

Но по пути домой Фрэнки уже понимает, что они с Томом больше никогда не встретятся.

Жизнь не всегда дарит второй шанс на счастье, так что порой вполне достаточно просто уметь довольствоваться тем, что у тебя есть.

Воздух такой холодный, что Фрэнки при каждом вдохе кажется, будто она глотает ледяные иголки. Неприятно, конечно, зато чувствуешь, что еще жива. Фрэнки делает еще один глубокий вдох и пешком направляется домой.

До

8. Тэрин

Ей действительно следовало лучше относиться к Коди. Он один отвечал на ее звонки, когда ей требовалась помощь, и он единственный терпел ее, когда она была не в духе. Тэрин с Коди были паршивыми овцами в стаде, и с тех пор как они познакомились в прошлом году, когда он решил сесть рядом с ней на западной литературе, они тусовались вместе просто хотя бы потому, что паршивые овцы всегда даже в самом большом стаде легко узнают друг друга.

Так что да, Тэрин действительно следовало вести себя с Коди помягче, но ее порой реально раздражало то, что он постоянно болтается рядом и очень старается быть полезным. Коди как будто пытался внедриться в ее жизнь. Тэрин не слепая, она понимала, почему он занимает для нее место в аудитории, почему делится своими записями и подсовывает ей шоколадные батончики, когда она голодна.

Коди не мог понравиться Тэрин так, как ему бы этого хотелось. Да и как это было возможно, если в нем было столько всего, что она находила отталкивающим? И дело было не в его походке вразвалку и не в том, что у него свитера на груди вечно были усыпаны хлебными крошками. Нет, Тэрин раздражало его желание быть нужным, хотя она прекрасно понимала истоки этого желания. Коди, как и Тэрин, никогда не вписывался и, как и она, отчаянно хотел проявить себя так, чтобы его оценили по достоинству.

Они сидели за одним столом в библиотеке. Коди уже час корпел над эссе, которое надо было сдать через два дня, но, по наблюдениям Тэрин, напечатал предложения два, не больше. Он, как всегда, был в своей красной бейсболке с засаленным козырьком и, по обыкновению, надвинул ее так низко, что глаз было не видно.

– Ты вообще хоть иногда ее снимаешь? – спросила Тэрин.

– Чего?

– Твоя бейсболка. Никогда тебя без нее не видела.

– Это же «Ред сокс».

– Понятно, но стирать-то ее хоть иногда надо.

Коди снял бейсболку, и Тэрин непроизвольно обратила внимание на полоску, которую та оставила на его светлых и тонких, как у ребенка, волосах.

– Отец купил мне ее, когда мы с ним ходили на игру «Ред сокс». Они тогда проиграли «Янки», но все равно было здорово. Как сейчас помню, мы сидели на трибуне, ели хот-доги, а потом и мороженое. – Коди погладил козырек бейсболки, как Аладдин лампу, когда хотел вызвать джинна. – Это был последний день, который мы с отцом провели вместе. А потом, ну ты знаешь...

– И где он сейчас живет?

– Где-то в Аризоне. Прислал открытку на Рождество. Написал, что я, может, как-нибудь смогу его навестить. Написал, что, когда приеду, мы пойдем с ним в поход.

«Нет, – подумала Тэрин, – ни в какой поход вы не пойдете».

Отцы, которые бросают свои семьи, никогда не сдерживают данных обещаний. Они не хотят, чтобы дети приезжали к ним в гости. Им не нужны напоминания о брошенных детях. Они вообще хотят забыть о существовании этих детей.

Коди вздохнул и снова напялил на голову свою красную бейсболку.

– А ты виделась после развода с отцом?

– Нет. Ни разу за все эти годы. У него, судя по всему, нет желания со мной встречаться, да и я сама не хочу.

– Конечно хочешь, он же твой отец.

– Нет, не хочу. – Тэрин как попало засунула в рюкзак свои книги и конспекты. – И ты о встрече с отцом тоже лучше не думай.

После этого она встала из-за стола и быстро пошла к выходу.

– Тэрин, подожди...

Коди догнал ее, только когда она уже шла по двору.

– Слушай, прости, что я заговорил о твоём отце, – отдуваясь, сказал он.

– Я не хочу о нём говорить. Никогда.

– Но, может, все-таки стоит? Я знаю, он бросил тебя, но мой отец тоже меня бросил. Такое случается, с этим приходится жить. Да, это больно, но это делает нас сильнее.

– Нет. Знаешь, что это с нами делает? Это делает нас ущербными, превращает в отвергнутых.

Тэрин резко остановилась посреди двора и повернулась к Коди. Он вздрогнул, как будто она могла его ударить. Коди испугался, и его страх был оправдан: он боялся потерять Тэрин, боялся разозлить своего единственного друга во всем кампусе.

– Когда кто-то говорит, что любит тебя, это как клятва в том, что он будет любить тебя всегда, – сказала Тэрин. – Ты веришь в это, веришь так, что жизнь готов заложить. А мой отец... ему даже быть рядом влом оказалось. Он бросил тех, кого обязался любить. Так что пусть горит в аду.

Коди даже опешил от такого напора.

– Тэрин, я бы никогда так с тобой не поступил, – тихо сказал он.

Тэрин выдохнула, и вместе с выдохом ушла вся злость.

– Я знаю.

Коди прикоснулся к ее руке, с опаской, как будто боялся обжечься. Тэрин не отдернула руку, и тогда он обнял ее за плечи. Понятно, что Коди так хотел ее успокоить или даже приободрить, но она не хотела, чтобы у него хоть на секунду возникла мысль, будто между ними могут возникнуть отношения. То есть такие, на которые он надеялся.

Тэрин вывернулась и отступила на шаг:

– Ладно, учебы на сегодня хватит. Я иду домой.

– Я тебя провожу.

– Не надо, я в порядке. Завтра увидимся.

– Тэрин?

У Коди был такой жалобный голос, что она просто не могла не оглянуться. Он стоял под фонарем, и тень от него была просто огромной.

– Лиам того не стоит, – сказал он. – Ты достойна лучшего. У тебя все будет хорошо.

– И с чего ты вдруг о нём заговорил?

– С того, что в нём все дело. Верно? А не в отце, который тебя бросил. Лиам тебя игнорит. Чего я не понимаю, так это почему ты не хочешь его отпустить? Вокруг полно хороших парней, которые точно захотят с тобой встречаться.

Тэрин не могла разглядеть глаз Коди в тени козырька бейсболки, но в его голосе была такая тоска, что смотреть в глаза было необязательно.

– Я знаю, вы с ним уже много лет встречаетесь, но это не значит, что вы всю жизнь будете вместе.

– Именно это мы и планировали. Поэтому я здесь, в этом кампусе. Мы пообещали друг другу держаться вместе, что бы ни случилось.

– Тогда почему он сейчас не рядом с тобой? Почему он не отвечает на твои звонки?

– Потому что он занимается. Или на лекции.

– Нет у него сейчас лекций.

Тэрин достала свой телефон и набрала номер Лиамы. Звонок сразу переадресовали на голосовую почту. Тэрин смотрела на экран телефона, и, судя по лицу, ей в голову пришел вариант, который она до этого отказывалась рассматривать.

– Дай мне свой телефон.

– А что, с твоим что-то не так?

– Просто дай телефон.

Коди передал Тэрин свой телефон и наблюдал за тем, как она набирает номер Лиамы.

После третьего гудка тот ответил.

– Алло?

– Я тебе целый день звоню, а ты так и не перезвонил.

Последовала долгая пауза. Очень долгая.

– Тэрин, я не могу сейчас говорить. У меня тут дела.

– Какие дела? Мне нужно тебя увидеть.

– Что это за номер? Ты откуда звонишь?

– Это телефон моего друга. Я не могла до тебя дозвониться, подумала, может, ты случайно мой номер заблокировал.

– Слушай, мне надо идти.

– Позвонишь мне? Позвони в любое время.

– Ага, да, позвоню.

И связь прервалась. Тэрин словно в оцепенении смотрела на телефон: ее потрясло то, как резко Лиам оборвал разговор.

– Ну и что он сказал? – спросил Коди.

Он наблюдал за Тэрин все это время, и ей не понравился его понимающий взгляд.

– Не твое дело, – сказала Тэрин и резким движением вернула Коди телефон.

9. Джек

– Мне все же кажется, что это мышечное напряжение, – сказал Чарли, когда Джек подвозил его в клинику. – И не уверен, что рентген что-то даст. А вот тебе, приятель, вовсе не обязательно меня подвозить.

– Без проблем, Чарли, у меня сегодня выходной.

– В пятницу? Хороший же у тебя график.

– Да, одно из преимуществ работы университетского профессора. – Джек глянул на тестя и заметил, что у того снова напряглось лицо. – Больно?

– Немного. – Чарли махнул рукой. – Ничего такого, с чем не справится тайленол. Под старость всех одолевают разные хвори и головная боль. Подожди, вот стукнет тебе семьдесят и поймешь, что в этом возрасте даже с кровати утром встать ой как непросто. Мэгги говорит, что мне, возможно, просто надо походить на физиотерапию или на массаж. Надеюсь, она не станет настаивать, чтобы я записался на йогу или еще какой дуростью начал заниматься.

– Йога пойдет тебе на пользу.

Чарли хмыкнул:

– Можешь представить меня в трико и в позе «бигль мордой вниз», или как там они это называют? – Он посмотрел на Джека. – Этим летом я лучше себя чувствую, может, махнем куда-нибудь на Запад и покатаем в поход на велосипедах. – Он достал из кармана куртки глянцевоый буклет с рекламой путешествий. – На, полистай. В Брайс-Каньоне есть грунтовые дороги. Вот куда бы я отправился вместе с вами, пока силы еще позволяют. Я ведь, как-никак, восьмой десяток разменял.

– Разменял, но стариком не стал.

– Я, пока работал в полиции Кембриджа, почти не отгуливал отпуска. Тратил драгоценное время на всякие отбросы общества. На уродов, о которых никто не пожалеет, если им всадят пулю в голову. А мог бы путешествовать с Энни. Мы могли бы отправиться в круиз по Аляске, она всегда об этом мечтала. Господи, как я жалею, что упустил столько времени. Теперь надо наверстывать. – Чарли взглянул на Джека. – Так что проследи за тем, чтобы Мэгги взяла отпуск в июне. Дней на десять.

– Я передам ей твое пожелание.

– И путешествие за мой счет. Все расходы беру на себя.

– Это почему?

– Потому что я предпочитаю получать от заработанных денег удовольствие, пока еще жив. А вам не стоит тратить свое наследство на мемориальные водостоки.

– Это очень щедро с твоей стороны. Но и новые водостоки нам и правда нужны.

– В общем, с тебя отпуск Мэгги. – Чарли снова глянул на Джека. – Совместный отпуск подальше от большого города вам обоим пойдет на пользу.

– Естественно, отдых на природе – отличный шанс забыть о работе и расслабиться.

– И еще кое-чем заняться.

– В смысле?

Чарли подмигнул Джеку:

– Я не теряю надежды понянчить внуков, причем в ближайшее время.

– Я тоже, Чарли.

– Ну и когда ждать пополнения? Надеюсь, к этому моменту я еще буду в состоянии покидать внуку бейсбольный мяч.

Тема детей была для Джека слишком болезненной, и он не стал отвечать, просто вел машину и старался об этом не думать.

– Она еще не оправилась после последнего выкидыша, да? – спросил Чарли.

- Для нее это было тяжелым испытанием. Для нас обоих.
- Джек, это было год назад.
- Да, но боль никуда не ушла.
- Знаю, знаю. Но вы еще молоды и вполне можете иметь детей. Моей Энни, когда наконец-то родилась Мэгги, уже почти сорок два исполнилось. Для меня это было как дар божий. Ты поймешь, о чем я, когда возьмешь на руки своего малыша или малышку.
- Я над этим работаю, – только и смог ответить Джек.
- Тогда подумай о Брайс-Каньоне, договорились? Вы с Мэгги в романтическом номере в отеле. Это будет отличное место для нового старта.

И Джек действительно об этом думал. В тот день он сидел в кофейне «Данкин донатс» в Шиллман-холле, проверял письменные работы студентов, а буклет с описанием маршрутов по Брайс-Каньону не шел у него из головы. Он отложил в сторону стопку студенческих эссе и начал разглядывать размещенные в буклете фото с красивейшими видами и загорелыми лицами. Неделя вдвоем в таком прекрасном месте – это именно то, что им нужно.

Может быть, Чарли прав, может, пришло время снова подумать о ребенке?

– Профессор Дориан?

За шумом голосов в кафе Джек не сразу понял, что с ним поздоровалась какая-то женщина, и только когда она назвала его по имени во второй раз, он поднял голову и увидел, что рядом с его столиком стоит Тэрин с рюкзаком на одном плече. Она отбросила упавшую на лицо прядь волос, и этот жест показался Джеку скорее нервным, чем машинальным.

– Я знаю, у вас сегодня выходной, но в вашем офисе мне сказали, что я смогу найти вас в этом кафе. Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

Джек убрал буклет в портфель и указал на стул напротив:

– Конечно, присаживайтесь.

Тэрин повесила куртку с капюшоном на спинку стула и села. Они регулярно встречались на лекциях в аудитории и порой перебрасывались парой фраз, когда пересекались в кампусе, но это был первый раз, когда у Джека появилась возможность хорошо ее рассмотреть.

Ясные карие глаза, открытое умное лицо. Тэрин не пользовалась косметикой и от этого казалась невинной и довольно уязвимой. Над верхней губой – тонкий шрам. Заметив его, Джек даже попробовал угадать его происхождение. Упала в детстве с велосипеда? Или с дерева?

Тэрин достала из рюкзака ноутбук, поставила его на стол и сразу перешла к делу:

– Я тут наконец решила, на какую тему буду писать курсовую, и хотела бы коротко ее с вами обсудить. Писать буду о Дидоне и Энее. Выбрала их, потому что мысленно постоянно возвращаюсь к их истории. Вернее, к истории Дидоны.

– Да, я еще в аудитории заметил, что вы чувствуете определенную связь с царицей Дидонной. И какими будут ваши главные тезисы?

– И Дидона, и Эней, безусловно, яркие и страстные персонажи, но их страсти разнонаправленные. Энея более всего волнует его общественный долг, и он предает Дидону, чтобы исполнить свое предназначение. Дидона целиком посвящает себя любви к Энею и жертвует собой ради этой любви.

– Общественный долг против личного желания. Или точнее – долг против любви.

– Именно. Кстати, это может быть очень даже хорошим заголовком – «Долг против Любви», – заметила Тэрин и что-то быстро напечатала в своем ноутбуке. – Я читала, что некоторые студенты написали о своих впечатлениях об «Энеиде». У многих такое стереотипное мышление, меня аж трясет от злости. Для них Дидона – иррациональная, излишне эмоциональная и даже заслуживающая жалости женщина. Они искренне полагают, что феминность Дидоны угрожает маскулинности Энея, то есть его идеальным представлениям о том, что такое власть, доблесть и порядок.

– А вы смотрите на это иначе?

– Естественно, иначе. И я думаю, Вергилий со мной бы согласился. У него Дидона – сложная женщина, гордая и могущественная царица, и она остается такой вплоть до предательства Энея. И когда он ее предает, она берет судьбу в свои руки и даже руководит устройством собственного погребального костра.

– Вы считаете, что Вергилий симпатизирует Дидоне?

– Да, ее соблазнили, а потом бросили. Обратите внимание на разницу их речевых характеристик. Она ведь очевидна. Речь Дидоны расцвечена эмоциями. Эней думает только о власти и своем предназначении. Его речь лишена страсти, а именно страсть делает Дидону живой и настоящей. Так Вергилий показывает нам, что настоящая героиня – это Дидона.

– Интересное предположение. Если вы сможете увязать курсовую с вашим эссе по «Медее», из этого вполне может получиться дипломная работа. Конечно, если вы решите пойти в докторантуру.

У Тэрин от таких слов профессора засияли глаза.

– Ой, я не думала об этой работе как о возможной диссертации, но да, вы правы! Исследование на тему «Какую цену платят женщины, когда их страсть угрожает мужчинам». Эта тема прослеживается в истории Абеяра и Элоизы. И в истории Хемингуэя. В этих историях женская потребность в любви становится непосильной ношей для их мужчин и выявляет их слабость. – Взгляд Тэрин затуманивается. – Такое и в реальной жизни случается.

– Вы говорите так, будто сами прошли через нечто подобное, – сказал Джек и тут же пожалел, что не прикусил вовремя язык.

Тэрин кивнула, ее глаза вдруг наполнились слезами. Она отвела взгляд и постаралась взять себя в руки.

Джек не знал, что за личный опыт подтолкнул ее к выбору подобной темы, но вспомнил, как Джессика на занятии высказала предположение, что Тэрин «помешана на мужчинах, которые предают своих женщин».

– Иногда изложение своих мыслей в письменной форме становится своего рода терапией. Это помогает укрепить самооценку, справиться с болью, побороть сомнения. Понимаете, о чем я?

Тэрин кивнула и вытерла ладонью глаза, размазав подводку. Теперь она показалась Джеку не просто уязвимой, а беззащитной, ему даже захотелось как-то ее утешить, но он сумел сдержаться и продолжил ровным голосом:

– Думаю, это отличный заголовок для исследования. Вы глубоко погрузились в тему, я впечатлен. Ваши родители из ученых кругов?

– Чего нет, того нет. – Тэрин пожала плечами, как будто ей стало неловко. – Они развелись, когда мне было десять. Мама работает помощницей медсестры. Мы живем Хобарте, это в Мэне.

– В Хобарте? Я там бывал. Правда, давно это было, тогда мы с женой увлекались рафтингом.

Да, в те времена они с Мэгги еще позволяли себе вместе проводить отпуск.

– Ну, тогда вы знаете, что это маленький фабричный городок в глухой провинции.

– Однако, как я посмотрю, из него выходят многообещающие студентки.

– Хотела бы я, чтобы это было правдой. – Тэрин улыбнулась. – У меня столько планов, определиться бы.

– Какие еще курсы вы посещаете?

– Литература восемнадцатого века, читает профессор Макгуайр.

Джек постарался сделать непроницаемое лицо. Рэй Макгуайр занимал соседний с ним офис. В начале семестра он пожаловался Джеку, что студентки из «последнего помета» все как

одна непривлекательные. А потом посоветовал: «Но смотри не проморгай девчонку по имени Тэрин Мур. Из-за таких снятся влажные сны».

Теперь Джек понял, что имел в виду Рэй.

Тэрин встала из-за стола и надела куртку.

– Что ж, я готова с головой погрузиться в работу. Спасибо вам, профессор.

– Если надумаете поступать в магистратуру, дайте знать. С удовольствием напишу вам рекомендательное письмо.

Они вместе вышли из Шиллман-холла. Ветер растрепал темные волосы Тэрин, на солнце они начали отливать золотом, и Джек подумал, что она похожа на сирену прерафаэлитов.

– Увидимся в классе, – сказала Тэрин и скромно помахала на прощание рукой.

Джек остался стоять на тротуаре, глядя ей вслед. Ему стало тоскливо: он превратился в типаж. Очередной женатый профессор вождедеет студентку. Грустное и жалкое зрелище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.